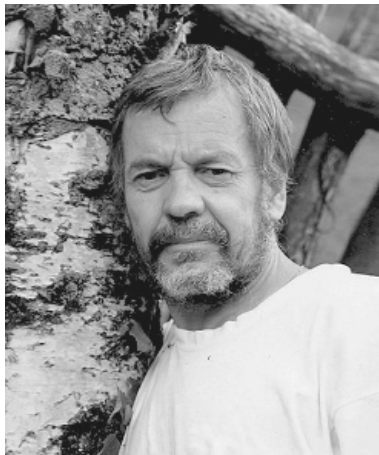

«Блажени алчущие и жаждущие правды...»

Четвертая заповедь блаженства

Анатолию Заболоцкому посвящаю...

ПРОЛОГ

Василий Шукшин – русский воитель, подобный воинам Христовым, и, несмотря на унижения... деревенщина же, вроде крестьянского сына Ильи Муромца, явился покорять киноискусство...

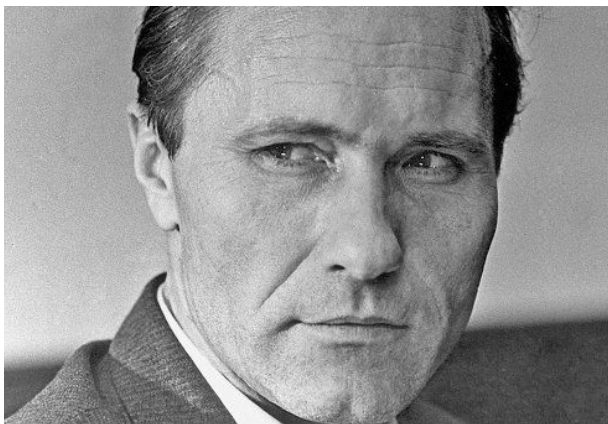
несмотря на долгую житейскую скудость и сопротивление столичной «киноэлиты», из борьбы за русскую правду Шукшин вышел не изможденным и жалким, но – победителем и властителем народных душ.

На своем читательском веку изрядно прочел я сочинений о Василии Шукшине: иные опусы – праздное суесловие, или пустое славословие, или изоощренная, изысканная ложь, но избранные очерки – воистину спелое зерно, кое добрый *русский* книгочей узрит среди травы-дурнины. Из читанного скопилась уйма выписок – сцены, характеры, мысли, что особо впечатлили, и рука не подымалась удалить выписки – жалко было время и труд, а посему дерзнул я создать некий обзор мнений, впечатлений о Шукшине, о его окружении с краткими попутными мыслями.

Нынешние мои записки щедро украшены, умудрены выдержками из очерков Василия Белова и Анатолия Заболоцкого, коих Шукшин любил, словно братьев, единомысленных, единомысленных и верных. По народной совести и народной правде, случалось, и дерзкой, скандальной, у Шукшина не было друзей роднее и ближе Василия Белова и Анатолия Заболоцкого, талантливого *русского* кинооператора и фотохудожника, снимавшего два последних Шукшинских фильма.

Дружба Шукшина, Белова и Заболоцкого уподобилась братчине, словно крестовые наместники крестами менялись; и Василий Белов в безыскусном, но правдивом повествовании «Тяжесть креста» поведал о дружбе с Макарычем и помянул случай, запечатлевший душевное родство двух крестьянских писателей: «Мы скинули рюкзаки и затопили русскую печь... (...) Едва мы успели переночевать, радио объявило о Дне кол-

хозника. Бабы позвали меня на общий праздник играть на гармонии, Шукшин идти отказался. (...) Вдруг в бабьем кругу появилась высокая мужская фигура. Я обомлел – Шукшин! Он плясал с моими землячками так старательно и так вдохновенно, что я растерялся, на время сбился с ритма. Но сразу выправился и от радости заиграл чаще. (...) Мы продолжили День колхозника уже вдвоем. Сидели за столом у окошка и пели. Спелись в прямом смысле, где забывал слова я, там вспоминал их Макарыч, где забывал он, там подсоблял я. И сейчас помню глуховатый его голос. Спели «По диким степям», «Александровский централ», «Шумел, горел пожар московский...» (...) Где-то я приобрел «Сельских жителей» и поразился удивительному сходству своего и шукшинского детства. (...) У меня было точно такое детство, как у Макарыча, только нас осталось без отца пятеро. (...) Все время я сбиваюсь на собственную биографию. Но что делать? Судьба Шукшина была так родственна мне, так похожа, что приходится «якать», объясняя сходство в событиях и в отношении к этим событиям» (В. Белов. «Тяжесть креста»).

Василий Шукшин

«Если вы действительно полюбите Россию, вы будете, рваться служить ей. (...) Не полюбивши России, не полюбите вам своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спасетесь вам», – поучал Николай Гоголь, а Василий Шукшин мог повторить вслед Есенину, коего любил, словно Русь: «Моя лирика жива одной большой любовью, любовью к Родине. Чувство Родины – основное в моем творчестве».

Николай Гоголь будто провидел тернистый и узкий путь Шукшина к спасению души через сострадательную и милосердную любовь к братьям и сестрам во Христе, через обостренную совестливость, что предтеча любви к Богу; а уж сколь ясна и сильна была в писателе мистическая любовь ко Всевышнему, можно лишь гадать, помня, что жил писатель в державе народной, но, увы, безбожной. Хотя, по воспоминаниям близких, Василий Макарович на пылающем закате своей короткой, но великой русской жизни храмы за версту не обходил, – входил в обители любви и покаянного смирения, а уж про молитвы его, сокровенно утаенные в душе, лишь Богу ведомо.

Священник Андрей Суховский из алтайского села Усть-Кокса писал по сему поводу: «Мать В.М. Шукшина, Мария Сергеевна, была... религиозным человеком, но церковь посещала редко, и своих убеждений детям не передала. Первую половину своей жизни Василий Макарович был атеистом, что видно из его произведений. (...) Постепенные изменения

(обретение веры во Христа. – А.Б.) отразились в его творчестве: это «Калина красная», где «исповедь сердца» героя происходит на фоне храма; некоторые места его произведения «До третьих петухов»; и, наконец, в его рассказе «На кладбище». Уже в самое последнее время незадолго до своей смерти он говорил (...) что, наконец, поверил в Бога: «Отца и Сына и Святого Духа»... Свидетелем его веры может быть и младшая дочь, Ольга, внутренне близкая отцу. Она является глубоко верующим православным человеком... *(Ольга, разочаровавшись в суетной мирской жизни, на пятнадцать лет укрывшись в Николо-Шартомском монастыре, где несла послушание на монастырской кухне, преподавала русскую литературу в детском приюте, в школе при монастыре учился сын Василий. 2013 году вернулась в мир. – А.Б.)* Мария Сергеевна, мать В. Шукшина, когда приезжала в Москву на похороны сына, исповедалась и причастилась в храме Ильи Обыденного, что рядом с ныне восстановленным храмом Христа Спасителя («Александро-Невский вестник» за 2012 г. Газета Александро-Невского собора г. Барнаула).

Живущий в Ельце русский прозаик Александр Новосельцев поведал в слове о родном и любимом писателе: «В апреле 1974 года, когда Шукшин лежал в больнице, [друзья принесли] Евангелие... (...) Евангелие лежало у него под подушкой, и он все время думал: что же там находят другие, и это его злило. А когда он открыл Евангелие и стал читать, его словно обожгло. Для него определился наш общий исход: куда же России без Христа?

И признается, наконец: верую! Верую, как мать в детстве учила, в Отца и Сына и Святого Духа». (А. Новосельцев. «Куда ж России без Христа?»).

Владимир Легойда, председатель Синодального отдела Русской Православной Церкви, так мыслил о православности Василия Шукшина: «Для меня «Калина красная» – история раскаявшегося разбойника. Евангельская история. (...) Такой он – мой Шукшин. Написавший нехристианский рассказ «Верую!» и снявший «Калину красную» – быть может, самый христианский фильм советского кинематографа».

«Разумеется, крещен был, – утверждает литератор Геннадий Марков о Шукшине. – Когда в

1956 году у шукшинской сестры, Натальи Макаровны, родились дети, Надя и Сережа Зиновьевы, В.М. Шукшин стал для своих племянников крестным. Крестил он их в Бийской православной церкви втайне от их отца, Александра Зиновьева, которого очень уважал и хотел избавить от возможных неприятностей. А в 1961 году, после смерти Александра, написал сестре Наталье: «Я не верю ни во что – и верю во все. Верю в народ... Я хочу, чтобы меня похоронили по-русски, с отпеванием, с причитаниями...» (Интернет-сайт Проза.ру.)

Повторяю слова Шукшина и вспоминаю Есенина; слышу, вроде, с могилки сельских, заросших дурнопьяною травой, Есенин плачет, слезно молит:

*Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать...*

«...Порою на него находило раскаяние в грехах молодости... – вспоминал Анатолий Заболоцкий. – (...) «Все искушения гашу работой...» А Шукшинский приятель...не помню фамилию... писал, что однажды на Пасху Христову Шукшин обмер перед храмом, пал на колени и... заплакал: «Я грешен... Грешен я... Господи! Прости меня...» А. Заболоцкий. «Шукшин в кадре и за кадром».

«Двигался ли к Богу сам Шукшин? Мне кажется, да... (...) Долог и труден наш путь к Богу после многих десятилетий марксистского атеизма! (...) Мое отношение к пляшущему попу (рассказ «Верую») и при Макарыче было отрицательным, но я, не желая ссориться с автором, не говорил ему об этом. Сам пробуждался только-только...

Страна была все еще заморожена атеистическим холодом. Лишь отдельные места, редкие проталины, вроде Псково-Печорского монастыря, подтачивали холодный коммуно-еврейский айсберг...» (В. Белов. «Тяжесть креста».)

«Крещенные русские испокон православного века полагали, что совесть нации – лишь святые угодники Божии, боговдохновенные молитвенники о родном русском народе, подобные Серафиму Саровскому, Иоанну Кронштадтскому, чьим святым русским молитвам Господь внемлет. Увы, не восходили писатели до совести нации, ибо душой обитали не в мире горнем, яко Божии угодники, но сгорали в страстях мира дольнего; и тем не менее полвека пристально читавший и осмыслявший

творчество и судьбы писателей *деревенщиков*, скажу, что, судя по сочинениям, судя по образу земного обитания, в русской прозе второй половины прошлого века лишь Василий Шукшин и Василий Белов оказались духом ближе к величанию – совесть нации, совесть русской литературы» (*А. Байбородин. «Слово о русском слове»*).

Одаренные равным писательским даром, даже, случалось, укорявшие Шукшина за торопливую фельетонность иных сказов, до шукшинской сострадательной и восхитительной, воинственной любви к русскому народу не возшли, искушения одолели.

«В 60-е годы минувшего столетия Шукшин ворвался в «плотные слои атмосферы» советского

искусства, как метеор, и своим появлением перевесил ту чашу весов, где собиралось воедино искусство русское. (...) Не было у нас за последние десятилетия такого художника, который бы столь уверенно и беспощадно врывается во всякую человеческую душу и предлагал ей проверить, что она есть, в каких просторах и далях она заблудилась, какому поддавалась соблазну или, напротив, что помогло ей выстоять и остаться в верности и в чистоте. Читателем и зрителем Василия Шукшина остаётся вся Россия, от самых высоких умов до самых падших, его талант – это, прежде всего, голос зыскующей совести». (*В. Распутин. «Твой сын, Россия, горячий брат наш»*. 1989)

НАРОДНАЯ И БУРЖУЙСКАЯ ВЛАСТЬ

Василий Макарович мог возненавидеть былую рабоче-крестьянскую власть лютой ненавистью: в тридцать третьем году власть покарала отца, якобы замыслившего крестьянское восстание на Алтае, и мать, не в силах пережить злую ложь и потерю любимого мужа, решила умереть вместе с восьмилетним сыном: заперев избу изнутри, протопила печь и закрыла заслонку с жаром. И угорели бы мать и сын, да, слава Богу, добрые люди спасли от греха... Но Василий Макарович, несмотря на потерю отца, чтит рабоче-крестьянский строй и, похоже, думал, что смерть сеяли враги народа, троцкисты, что оседлали власть.

О сих иродах, прозванных в народе «упал намоченный», Шукшин изначально отснял даже эпизод для «Калины красной» на

основе деревенской байки, что потешила Василия Макаровича: «На окраине деревни у развилки дорог рукодельные щиты-лозунги, обязательства: дадим государству масла столько-то центнеров, хлеба столько-то пудов, шерсти столько-то тонн, яиц и т.д. У лозунгов неподвижно стоит босой мужик, а сапоги, связанные верёвочкой, у него на плече. Он молча читает весь перечень обязательств и вдруг говорит вслух: «Вот жмут! Вот жмут?!» На плечо ему опускается рука, и он видит уполномоченного, который наступательно спрашивает: «Кто это жмет?» Мужик от неожиданности оробел на мгновение и ответил: «Сапоги жмут!» – «Сволочь, ведь ты же босой!» Мужик уже победно и без паузы: «Вот от того и босой, что жмут!»

Ну как не порадоваться за мужика, выпутавшегося из такой передряги. Макарыч и вкладывает в уста Егора Прокудина суть этой байки» (*А. Заболоцкий. «Шукшин в кадре и за кадром»*).

Спаситель упреждал апостолов и грядущих христиан: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу, и тело погубить в геенне». (*Мф.10:28*) Богохульная большевистская власть ради «земного рая» убивала и душу, и плоть русского народа, и Сталин, большевик, изрядно порадел на сей кровавой дьявольской жатве; но, видимо, очнулся пред ликом великих страданий, что во спасение души попустил Господь русскому люду... Россия, дважды смертельно раненная... братоубийственная гражданская война и Великая Отечественная... дважды под Сталинским предводительством воскресла из мертвых. Иосиф Бесцеремонич, так повеличали вождя в народе, истреблял рьяных космополитов, что, окопавшись во власти, исподтишка точили и грызли древо Красной Империи; но извести сей вражий род диктатор был не в силах; и космополиты, воистину враги народа, властвуя в губерниях, секли патриотов — цвет русского народа. Позже в интеллигенции, очевидно, гнилой, народились, словно плесень в духоте, и антисоветчики, что служили Западу в его *холодной войне* с Россией; но Шукшин не водился с *эдакими чертями*, коих и вывел в повести-сказке «Ванька, смотри!»

Василий Макарович Шукшин ухватил сталинскую эпоху, когда в народе жил праведный страх перед властью, что и за щепку с

чужого частного двора осудит и упечёт в кутузку, а уж тем паче с фабрично-заводского либо колхозного двора; и в строгие лета в народе царила совесть, предтеча божественного духа. Но предал Богу душу отец народов, ослабли властные крепки, и Шукшин с тоской узрел: под вой и визг сбесившихся кикимор плясали бесы на могиле почившего диктатора; ликовали бесы гордыни, честолюбия, сребролюбия, властолюбия, себялюбия, блудолюбия, лукавства; веселясь, вселялись бесы в души высоколобых книжечеев, торгашей, властителей и даже художников. Желваки катались по отмашистым скулам, зубы скрипели, — душа болела, когда Шукшин видел, как набирают властную силу лукавцы и торгаши, презирающие русское простолудье. Чувал Шукшин со слезной печалью: сгущаются тучи над Русью; провидел писатель грядущее: бесы искусят и русское простолудье.

Но в эпоху рабоче-крестьянского царства лишь могильные цветочки распускались, смертные ягоды вызрели позже, когда рухнула народная власть, похоронив под обломками совесть. Как бы Василий Макарович жил на перевале веков среди простолудья, кое доморощенные и чужеземные муреды, а потом и волчьи стаи мошенников ограбили и пустили по миру?! Праведное сердце зашло бы от боли, глядя, как нежить, ненавидящая русский дух, словно бес ладан, властвует и усердно засеивает в русские души похоти от князя тьмы, и лишь праведники, что не перевелись на Руси, возжигают спасительные светильники в гиблой тьме. В кошмарные девятые я, лихой стихотворец, сочинил стих:

*В русском роде не уродина я,
но не знаю, вроде, я,
где же моя родина,
коли правит инородия
на Руси, на Родине?!*

Впрочем, воцарялась нерусь и нежить *нежно*, в человеческой личности, — вспомним правителя Горбачева с его похотью строить социализм с *человечьим лицом*, что вскоре обратился в капитализм со зверской харей князя тьмы. Вспомним Ельцина: грозился лечь на рельсы, коли цены повысятся, отчего с той лихой поры и поныне заросшие травой-дурниной, брошенные железнодорожные пути дразнят ельцинскими. Но цены дико подскочили, ибо грянул капитализм не горбачевский ласковый, а ельцинский, дикий и кровожадный, сжирающий плоть и души, но правитель Борис, хоть и грозился, а на рельсы не лег. Хотя пьяный мог и упасть...

По шукшинской повести и вышло в подлые девяностые, в чем и вещая сила вершинного сочинения Василия Шукшина «Ванька, смотри», словно подтверждающего пророческие слова Федора Достоевского: «Всемирный Ротшильд воцаряется над человечеством все сильнее и тверже и стремится дать миру свой облик и свою суть. (...) Ключ ко всем современным интригам лежит во всемирном заговоре против России, предрекающим ей страшную будущность».

(Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Новое исправленное издание — СПб.: Издание Ф. Стелловского, 1870). Грядущее воцарение чужебной нежити на Руси запечатлел Василий Шукшин в гениальной повести «Ванька, смотри...», когда бесы, упоив, увеселив, усыпив стражу, распахнули ворота и ядовитой пеной хлынули в монастырь, величаемый Русь...

Но, может быть, Шукшин и смирился бы с перестроечной властью, узрев в ней спасение России от большевизма, стал бы советником Генерального крушителя Народной Империи, свергнувшего народ в нищету, отчаяние, смерть, обрел бы Звезду Героя то ли Соцтруда, то ли Каптруда, обрел бы роскошные издания и щедрые премии, а властители дум провозгласили бы народной совестью... Неисповедимы пути людские, лишь Богу и ведомы...

Хотя, думаю, Шукшин не смирился бы с царящим буржуазным хамом в горбачевское либо ельцинское правление, как не смирился его друг, писатель Василий Белов, и дожил бы век, отсуленный Богом, словно русский партизан из песни девяностых, мрачных и скорбных:

*Мую Родину растерзали —
Не бывало врагов подлей.
Я тихонечко партизаню
На ошметках родных полей. (...)
И когда я погибну лично,
Твердь небесную пронизав,
Мне повесят на грудь табличку,
Что я русский был партизан...*

В буржуазном мире, враждебно чуждом и христианской морали, и вытекающей из Нагорной проповеди советской морали, Шукшин не отринул бы русское простолюдые, властвующими буржуями ограбленное до нитки. А, скажем, Виктор Астафьев, истинно русский, истинно народный писатель, коего Господь одарил великим искусным словом, даже превосходящим шукшинское, клял горемычное простолюдые в хвост и гриву, благословлял президента Ельцина, покровителя забугорных и доморощенных диких буржуев, что запустошили Россию и пустили народ по миру с христорадной сумой. Впрочем, на смертном одре Астафьев, Царство Небесное, слезно покаялся в либеральном искушении, и в народной памяти останется довеку, как выдающийся писатель русского национального толка. После десятилетнего противостояния Астафьев примирился с Распутиным, коего, в свою очередь, смертельно уставшего в закатные лета, окутала писательская, издательская элита, чуждая русскому простолюдыю, потаенно прозападная, некогда прозванная *образованщиной*.

Скажу попутно, в российской театральной и кинокультуре, особо столичной, на великие народные!.. деньги воспеваются дьявольские извращения, смертные грехи, а советник президента по культуре и его окружение, что вслед за президентом крестят лбы перед святыми об-

разами, осоловели духом от житейского изобилия и даже не чешутся, ухом не ведут, а лишь взирают сонными глазами на Содом и Гоморру, что царят в зрелищных *искусствах*. Невольно рождается подозрение; а не одним ли миром мазаны?..

Что толковать о *культурных* чиновниках, кои держат нос по ветру, когда и литературная жизнь, и даже *якобы русская*, излукавлена, ибо писателю, особо крученому-верченому, охота богатые премии получать, охота с буржуев мзду брать, охота роскошные книги издавать, охота колесить по белу свету и красоваться перед публикой, и чтобы публика, закатывая глаза, вопила истошно: «гений!.. гений!..» И в памяти ожили ветхозаветные книжники и фарисеи, что «...расширяют хранилища свои и увеличивают воскрилия одежд своих; также любят предвозлежания на пиршествах и председания в синагогах и приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: учитель! учитель! (*Мф. 23:5-7*)

Жутко честолюбивую, избалованную дорогими изданиями, сребролюбивую, лукавую, столичную «образованщину», что ныне властвует в российской литературе, не говоря уж про кино и театр, и откровенно русофобствующей не обзовешь – таятся хитрецы, но и русофильской не повеличаешь, ибо не воскликнешь в лад Пушкину: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет»...

РУССКАЯ ПРАВДА ВАСИЛИЯ ШУКШИНА

«**Н**равственность есть Правда, – твердил Шукшин. – Не просто правда, а – Правда. Ибо это мужество, честность,

это значит, жить народной радостью и болью, думать, как думает народ, потому что народ всегда знает Правду». Правда груба, да

Богу любя, хотя и поминаются роковые слова *русского* композитора Валерия Гаврилина: «Люди, говорящие правду, умирают не от болезни...»

Предтеча Иоанн Креститель обрел мученический венец за правду, когда «...Ирод послал, [взять] Иоанна и связал его в темнице, Иродиады ради жены филиппа брата своего, яко оженился ею. Глаголаше бо Иоанн Иродови: не достоин тебе имети жену (филиппа) брата твоего. Иродиа же гневашеся на него и хотяше его убить...» (Мк. 6:17-19) А засим дочь порочной бабы...девка, столь похожая на чертей из шукшинской сказки... – плясала перед любодеем Иродом, и царь иудейский наградил искусную девку и любострастную мамашу... святой главой Иоанна Предтечи. Но великий пророк мог сложить святую главу и от рук фарисеев и саддукеев, поскольку «рече им: рождения ехиднова, кто сказа вам бежати от будущего гнева? сотворите убо плод достоин покаяния». (Мф. 3:7, 8)

Подобно святому Иоанну, обличавшему Ирода и вероучителей иудейских, Шукшин жил с воинственной жадной *русской народной* правды, не страшась царей и псарей, враждебных русскому простолюдию. Правдолюбивый нрав Василия Макаровича выразился уже в ранних сказах про чудиков, не столь потешных, сколь трагичных, – и у чудиков душа болит о родном народе, о России, что, словно дуб, тревожно и опасно качается, ибо ослабили корни, источенные грызунами. Но словно ослепительное сияние, режущее глаза, правда запечатлелась в скорбном до слез, божественном фильме «Калина красная»; а правда с пророческим видением грядущего – в повести-сказке «Ванька, смотри!»

(«До третьих петухов»). Апостол Петр, одаренный Свыше *горней* мудростью и пророческой силой, упреждал *дольних* мыслителей и *земных* сочинителей: «Никогда пророчество не было произнесимо по воле человеческой: но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым». [2 Пет.1:21] И все же избранные русские писатели, подобные Шукшину, в избранных сочинениях, юродиво отвергая *дольную земную* мудрость, пытались взойти к мудрости *горней – божественной*, пытались провидеть времена и судьбы. Пытались, ибо попыток не убыток, и не всегда попытки венчались божественным озарением, провиденьем; но повесть-сказка «Ванька, смотри!», вершинное сочинение Василия Шукшина, – воистину пророческое произведение.

«Шукшин стремительно двигался к своему драматургическому шедевр-завещанию «Ванька, смотри!» (...) Шукшин своей сказкой мужественно ударил по театральному столу кулаком. Трехголового Змея Горыныча в литературе до него не было. В своем Иване, посланном за справкой, что он не дурак, Макарыч с горечью отразил судьбу миллионов русских, бесстрашно содрал с русского человека ярлык дурака и антисемита, терпимый нами только страха ради иудейска. После Гоголя и Достоевского не так уж многие осмеливались на такой шаг! Быть может, за этот шаг Макарыч и поплатился жизнью – кто знает? Знал, может, один Жора Бурков, но ведь и Жоры вскоре не стало...». (В. Белов. «Тяжесть креста»).

Поначалу глянулся мне сочиненный издателями заголовок повести «До третьих петухов» – символичнее, живописнее, нежели

шукшинский «Ванька, смотри!», а подумал, подумал и доспел: лишь изначальный заголовок прямо и верно выражает запечатленную в повести русскую трагедию, что случилась после искушения народа князем мира сего. Ванька очнулся от былого искушения, одыбал, а уж князь Ваньку иным искусом обольщает... Анатолий Заболоцкий вспоминал, что над пьесой висел негласный запрет властей, но после смерти Шукшина Сергей Викулов, главный редактор журнала «Наш современник», изменил название, чтобы напечатать пьесу в своем журнале.

В повести-сказке «Ванька, смотри!» писатель живописал Россию в образе монастыря, чем сознательно либо по наитию свыше повторил мысль Гоголя: «Монастырь ваш – Россия! Облеките же себя умственно рясой чернеца и, всего себя умертвивши для себя, но не для неё, ступайте подвизаться в ней. Она теперь зовёт сынов своих ещё крепче, нежели когда-либо прежде. Пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля, и будет ей вечная честь!» (Гоголь Н.В. «Выбранные места из переписки с друзьями»).

Вознамерившись пленить Русское царство, князь мира сего обольстил и обезбожил правящее сословие, что среди родного народа обратилось в чужеземцев, чужезверцев, враждебных крестьянству, коих вначале прошлого века было девяносто процентов от населения России. В зачине повести-сказки писатель с горькой усмешкой изобразил сословное противостояние: дворяне, утратившие стыд и срам, без Бога и царя в чужеземной голове, и крестьяне, свято оберегающие в душе русскость, соvestливые, хотя и подверженные

плотским языческим страстям. Ну да, един Бог без греха...

В сумеречном книгохранилище библиотекарьша...халда, какие через полвека наводнили Россию... *базарит на блатной фене*, что в грядущем веке стала языком всей, уже не русской, а *русскоязычной* российской молодежи, даже университетской, словно юноши и юницы вчера еще ёрзали на лагерных нарах. Порадели власти-тели дум в девяностые и нулевые, когда *блатная песенная феня* под Высоцкого денно и ночью, нагло и хрипло звучала в державе, похищенной предателями, дельцами, ростовщиками и торгашами. Кстати, Шукшин брезгливо и гневливо чурался торгашей и блатных...

Но вот халда покинула библиотеку, и на книжных полках сказочно ожили герои дворянской словесности – Онегин, Ленский, Печорин, Обломов, Акакий Акиевич, Бедная Лиза и прочие; ожили и герои русского эпоса – крестьянские сыны Илья Муромец и Иванушка-дурачок, а с ними и Стенька Разин, из казаков, что меж походами тоже крестьянствовали.

Беседа дворян и крестьян обратилась бы в кровавую свару – образ братоубийственной гражданской войны, и вышло бы как в поговорке: кичился по-французски дворянин, пока не дал ему по шею крестьянин; но чудом братья во Христе опомнились, охолонились и послали Ваньку за справкой, где бы Мудрец черным по белому прописал, что Ванька не бестолочь, и на ту справку шлепнул гербовую печать. Хотя чего было Ивану стесняться величанию «дурак», ибо «сказочный Иванушка-дурачок – предтеча святых юродов... Бытует мнение, выраженное в христианской литературе, что

язычников, кои по неким причинам не просветились благовестием Христа о спасении души, Господь судит по совести. Богу ведомо, верно ли удумано и молвлено, но хочется верить, благочестивые русичи Древней Руси прощены и спасены, ибо отличались совестливостью и милосердием, что запечатлелось в народных сказках, где верховодит Иван-дурак из крестьян, в душе коего отсветы и отзвуки христианской святости. Но здесь оговоримся: дурак дураку рознь, сказочный Иванушка-дурачок склонен ко святой юродивости, но водились дураки и от дьявола, гораздые на *дурацкие* выходки, водились и глупцы, коих Иванушка наставлял на ум». (А. Байбородин. *Русский обычай. Очерк. Рукопись*).

Шукшинские чудики созвучны сказочным Иванушкам и святым юродам, в душе и разуме которых мудрость дольную (земную) изрядно потеснила мудрость горняя (божественная), отчего выглядели Иванушки чудаковато. Шукшинский чудик, словно выбредший из русских сказок, – духовный цвет и свет крестьянства, русский национальный герой наравне с Илией Муромцем, крестьянским сыном, казачьим атаманом и святым иноком, насельником Киево-Печерской лавры.

Повесть «Ванька, смотри!» – трагедия на фоне комедии, где писатель изобразил, как бесы, искусив и обезбожив дворянство, соблазнили и русское простолюдые – образы Ивана-крестьянского сына и монастырской стражи.

Шукшин неистово боролся за душу русского народа перед грядущим натиском прозападного национального нигилизма, духовно-нравственного цинизма. Писатель предвидел великую трагедию, что

ядовитой тучей нависла над Русью; а «трагедия постсоветской России даже не в том, что демократы-либералы ее в одночасье ограбили до нитки и российский народ проснулся нищим и обездоленным, великая трагедия русского народа в том, что либеральные власти...суть растлители... умов и душ вот уже четверть века с дьявольским упорством, с дьявольской методичностью работают над изменением русского характера. Глобальные средства массовой информации, владеющие «мировой паутиной», телевидением, кино и «поп-культурой», вытравливают из народного характера его исконные начала: любовь к земле отичей и дедичей, к родному народу, братчинность, общинность, совестливость, стыдливость, обостренное чувство праведного мироустройства. **В годы российской перестройки с ее агрессивной и всеохватной дьявольской пропагандой утробных страстей и похотей космополитизации подвергся весь русский народ, и стал утрачивать исконный, духовно-нравственный образ.** Сожрал душу молох эгоцентризма, торгашества, корыстолюбия, честолюбия, зависти, злободейства, фарисейства и лицемерия; и ветер в душевной ночи развеял прах былой совестливости и братчинности. Впору возопить горестно: **спасите души русские! Нация вырождается, и увь, далеко не всякий русский по крови – русский по духу, ибо русский – не обозначение нации, но величание, духовно заслуженное.** (А. Байбородин. «Спасите души русские». *Рукопись*).

«Ванька, смотри!» – произведение великое, хотя асфальтовая интеллигенция...так и просится

народное словцо *гнилая*... брезгливо морщилась при упоминании сего шукшинского сочинения, в чем я убедился, почтав отзывы в «паутине». Вот типичный отзыв: «Сумасбродная сказка. В общем-то задумка интересна – «ночь в библиотеке», персонажи оживают... (Чем не «Ночь в музее»?)

Только вот с ядом сатиры Шукшин переборщил. Бюрократизм проклонял по полной, и в хвост, и в гриву! И даже «до белья раздел». По-мужицки, по-медвежьи, неуклюже... вульгарно. Если бы смешно получилось, то я бы простила Шукшину эту грубость. Но не смешно...».

* * *

Русскоязычные либералы, а бывало, и русские, впавшие в нерусь, судили, рядили: мол, какой же Шукшин русофил...обычно за сим таилось *ксенофоб*... коль дружил с Высоцким и любил институтского наставника Ромма?! Но по свидетельству Заболоцкого и Золотухина, с Высоцким не дружил – собутыльничал по молодости, а к Ромму относился сложно... По мнению Заболоцкого: Шукшин дипломатничал, чтобы не изгнал...

Бывший российский писатель Виктор Некрасов, избравший родиной США, в статье с панибратским заголовком «Вася Шукшин» утверждал: «Многие считали его «почвенником», русофилом, антиинтеллигентом. Подозревали и в самом страшном грехе – антисемитизме. Нет, ничего этого в нём не было...» (Виктор Некрасов. «Вася Шукшин». Нью-йоркская газета «Новое русское слово» от 27 февраля 1972 года).

««Русофильство» Шукшина – игра», – согласно цитирует Алексей Варламов¹ [некого русофоба]. Конечно, либералам крайне необходима такая интерпретация личности Макарыча – по-другому его к себе не привяжешь. (...) Пусть лучше он попробовал бы опровергнуть самого Шукшина – его

впечатление от чтения «Протоколов сионских мудрецов» («Жизненная сказочка – правдивая. Наполовину осуществлённая»). (...) Чрезвычайно лукаво написана глава «Наш сотрапезник» – о сотрудничестве Шукшина с «Нашим современником» (это издательское наименование дал «Нашему современнику» Ю. Нагибин) (...) С недоумением можно воспринять такие фразы Варламова, как «теперь его позвали на этот пир, но едва ли Василий Макарович приглашением сполна воспользовался и сделался завсегдаем русского клуба». Приглашением Василий Макарович воспользовался как раз сполна. Если бы дело обстояло так, как пишет Варламов, Шукшин стал бы одним из авторов журнала, но не вошёл бы в редколлегия. Этот «вход» стал его выбором, его судьбоносным поступком. (...)... Когда он заговаривал о Есенине, Михаиле Воронцове, Победоносцеве, Столыпине, Лескове, об угнетении русских, то его клеймили националистом, славянофилом, антисемитом. «Только космополитом ни разу не окрестили», – успокаивал себя Шукшин». (А. Заболоцкий. «Кому в угоду перелопачивают Шукшина»).

¹ А. Варламов. «Шукшин». Серия «ЖЗЛ».

«...Шукшин (...) был в центре борьбы за национальную, а не интернационально-еврейскую Россию. Теперь для многих уж не страшен антисемитский ярлык, но знает ли основная масса русских и нерусских людей, заколдованная телевидением, разницу, например, между Леонидом Бородиным и «правозащитником» Ковалевым? Разницу между Юрием Селезневым и критиком Аннинским?» (В. Белов. «Тяжесть креста»).

Русский национализм в народно-православном оборонительном духе исповедовали классические русские писатели, не все...скажем, поздний Тургенев – западник-германofil... но большинство; и Шукшин слыл ярым националистом, подобно Астафьеву, Распутину в их зрелые лета, а уж тем паче Белову. И чувством сим Шукшин созвучен был преподобному Иосифу Волоцкому и святителю Геннадию Новгородскому, что, Христа ради не жалея живота, бранились с «ересью жидовствующих». Недаром заморские и доморощенные западники полагали, что русский национализм изначально, извечно с едким юдофобским духом.

Шукшин – не нацист, не расист, не шовинист, а, как многожды уточнял я, – русский националист, любящий родную нацию и более ненавидевший русофобию русских, впавших в нерусь, нежели русофобию неруси, ибо предатель страшнее врага. Но русскоязычные либералы, рукоплещая национализму народов бывшей Российской империи, лишь в

русском узрели расизм. О каком русском национализме языком трепать, коль даже в паспорте у русского не прописана национальность – порадели властвующие русофобы...

Василий Белов в рассказе «Одна из тысячи» коснулся племня Моисеева, «чем лишний раз подставил свой «антисемитский» бок (...) проворному Льву Аннинскому. Владимир Тендряков, который однажды увез меня с писательского съезда к себе на дачу, называл всех писателей-вологжан людьми «с душком», с антисемитским душком, разумеется. (...) В «Новом мире» у меня был приятель Юра Буртин, я считал его русским и говорил с ним без обиняков, честно. Это не помешало Юре углядеть в моих действиях антисемитские наклонности». (В. Белов. «Тяжесть креста»).

«Композитор (...) снабжал [Шукшина] информацией разной, в числе прочего принес ему книгу – тоненькую, напечатанную с «ятью» художником Нилусом в начале века, «Протоколы сионских мудрецов». (...) На следующий день Макарыч улетал во второй половине дня, мы еще перезвонились, он спросил: «Ну как тебе сказочка? Мурашки по спине забегали? Жизненная сказочка – правдивая. Наполовину осуществленная. А, говорят, царской охранкой запущена, а не Теодором Герцелем». (А. Заболоцкий «Шукшин в кадре и за кадром») Похоже, «жизненная сказочка» нашла художественное воплощение в повести-сказке «Ванька, смотри!»

ПИСАТЕЛИ ДЕРЕВЕНЩИКИ

Русское искусство в послевоенные годы обрело истинную *народность*: с благословения народной власти в искусство вошли лапотные мужики; и не насильственно, яко пролетарии после кровавой смуты, а по зову песенной души. В искусство писатели-деревенщики входили робко, боясь кирзачами поцарапать помещичий паркет; смущенно косились на академиков, но с годами осмелели и, воспевая мужика и бабу, воспевая избу и хлебородную ниву, явили миру творения слова, живописи и музыки, не уступающие классическим произведениям русского дворянства.

В поле российского искусства взросло и заматерело древо простолюдной жизни, с корнями, кои вспоила, взласкала мать-сыра земля, с величавой кроной, осиянной крестьянским солнцем. И поминаются слова Чудика из одноименного сказа Василия Шукшина: «Да если хотите знать, почти все знаменитые люди вышли из деревни. Как в черной рамке, так смотришь – выходец из деревни. Надо газеты читать!.. Што ни фигура, понимаешь, так выходец, рано пошел работать». (*В.М. Шукшин. Полное собрание рассказов в одном томе*). И среди знаменитых на весь мир деревенских выходцев – писатели Шукшин, Абрамов, Астафьев, Белов, Распутин, Лихоносов, Личутин; и то лишь верхний ряд, а процветали и *деревенщики* второго, третьего ряда, чьи избранные сочинения, бывало, не уступали и сочинениям всесветно славленных писателей.

Но случилось, вышел мужик из простолюдья, прославился и столь далеко ушел от простеца, что уже

и не видит его, ибо сладострастные видения заслонили простой народ... Шукшин, крестьянский сын, до смерти верный родному сословию, был истинным певцом русского народа, где крестьянство – духовная и нравственная, творческая основа нации. И Шукшин не вышел из крестьян; Шукшин правдолюбивой, совестливой душой и словом навечно осел в родимом селе, а загадывал и пожитейски вернуться в Сростки. Столичные «любители игрищ и забав» язвительно морщились: мол, бранишь город, Макарыч, а живешь в Москве, на что Шукшин лишь вздыхал: дескать, открыли б киностудию в Сростках, махом бы укочевал в село. А на багровом закате короткого века, когда прощался с кино, – с *мотыльковым искусством*, по слову Леонида Леонова, – когда гостил в станице Вешенской у Шолохова, которого боготворил, Василий Макарович решил: «Покину Москву и вернусь в свой родной край – в Сростки. Там, в Сростках, буду жить и работать». Думал писать романы, повести, рассказы...

«...В своих воспоминаниях Бурков пишет ещё и о том, что Шукшин... болезненно переживал ярлык «деревенщик», страшно возмущался, когда его так называли... Если и обижался, то в первые послеинститутские годы, которые впоследствии заново оценивал, вспоминая прожитую жизнь. Но в дни, когда он был на съемках в Клетской, «деревенщик» ему уже льстило, он был зрелый...» (*А. Заболоцкий. «Шукшин в кадре и за кадром»*).

Артист Бурков и либеральные писатели Некрасов с Поповым

ошибались, когда утверждали, что Шукшин стеснялся «ярлыка» деревенщик; да не стеснялся, а гордился, что подобно Достоевскому, был и почвенником, и русофилом; гордился, что литературные критики упоминали его имя в череде писателей-деревенщиков, среди коих Абрамов, Астафьев, Белов... О сем позже и свидетельствовали Белов и Заболоцкий в своих воспоминаниях.

Думаю, не все прозвучит Имя Божие, коли скажу, что Промыслом Божиим Шукшину, деревенскому писателю, подобно Есенину, уготовано было воспеть и оплакать крестьянский мир: «Я запомнил образ жизни русского крестьянства, нравственный уклад этой жизни, больше того, у меня с годами окрепло убеждение, что он, этот уклад, прекрасен...» (В.М. Шукшин. Публицистика. Библиотека русской и советской классики).

Если Есенин с тоской прощался с патриархальной деревней, то Шукшин чуял грядущее крушение и колхозной, коя благополучно ужилась в русской общинной душе. Завистью светлой...друг же сердечный... завидовал деревенщику Белову, который летовал в Тимонихе, деревеньке вологодской, да, случалось, прихватывал и весну, и осень. И хотя алтайские края вольготнее, Шукшин любил и Вологодчину, где деревенька на деревеньке, а там, глядишь, и село близко. Василий Макарович писал Белову про Тимониху «И как же хорошо, что эта деревня случилась у меня!.. – а между тем повелительно сманивал Белова в Москву. – Переезжай в Москву! Решись...»

Шукшин не вырвался из цепких лап киноискусства, – кино

одарило его, режиссера и актера, всенародной любовью и сулило мировую славу, но в кино у Василия Макаровича было мало друзей и тьма недругов, а в литературе, куда властно влеклась творческая душа, были искренние друзья, талантливые крестьянские писатели.

Анатолий Заболоцкий писал: «В Вологде Шукшин остановился у Белова... Вечером, после поездки, Белов повел Шукшина к Виктору Петровичу Астафьеву, то было их первое личное знакомство (я тоже впервые видел своего земляка). Застолье у Виктора Петровича велось хозяином единолично, изредка возникал Витя Коротаев. Вспоминали Рубцова, но самого его тогда не было в городе. (...) Говорили о Яшине, Абрамове, Твардовском и его журнале. Вершиной Солженицына оба Василия находили «Матренин двор» и «Захара Калину» (...) **И оба восторгались и числили классиком Бориса Шергина и прочили ему собрание сочинений...** Пока не сбывается. Я слышал, что этот чудаковатый фольклорист живет в подвальной комнате на Рождественском бульваре, в Москве. Володя Голованов предлагал снять о нем документальный фильм, но ни одна студия не сочла возможным финансировать замысел». (А. Заболоцкий. «Шукшин в кадре и за кадром»). О северорусском писателе Борисе Шергине я толковал в очерке «Крестьянская проза» и ныне лишь приведу слова Федора Абрамова: «Впечатление (от Бориса Шергина. – А.Б.). Побывал в 16-17 вв., а может быть, у... исток. Святой, и вещей боян, и монах, и летописец... Вышел с ощущением святости... И все люди хорошие. И хотелось со всеми быть хорошим... Ощущение: с Зосимой

Достоевского беседовал... В Оптиной пустыне побывал. Ощущение святости всю дорогу... Темная изба. Темный коридор, пропахший кухней, помоями, уборной – в провинции такие, из которых никогда не выветривается запах... По искренности, по наивности Шергин перекликается, вероятно, только с одним писателем в русской литературе – с протопопом Аввакумом. Но у Аввакума искренность, душевность очень земная, «плотская», хотя он и лицо духовное. У Шергина искренность ребенка, святого старца, всеумудрого, отрешившегося от всех земных страстей, научившегося всех прощать, и т.д. Беспорочная чистота. Он святее и чище любого церковника, хотя живет в миру. А в сущности, он ведь кто? Отшельник в своем подвале, забытый, покинутый всеми... Все время жил трудно материально, а какая, душа!.. У Шергина не было пиджака. Праведник, святой в наши дни – не чудо ли? А охочих до него не было. Один весь день. Писатели, которые клянутся в любви к русскому народу, не бывали. Походил и на вещего сказочника... Рублевская троица приходит на ум, когда читаешь Шергина. Откуда этот дух русского смирения и неизъяснимой светоносности, душевной красоты, которая исходит от этих ангелов... Искусство Шергина сродни иконе. Икона – в литературе. И сродни народному творчеству... Шергин и Писахов воспитаны совсем на другой культуре, чем мы, родившиеся

в советское время... Снял пальто на вешалке (речь идет о Центральном Доме литераторов. – А.Б.), легко вбежал по легкой, в три ступеньки лестнице в портретный зал вестибюля, разбежался глазами. Глянул на одну афишу, на другую – цветастые, яркие, и вдруг на щите, неподалеку от стола дежурной, задержался глазом – больно уж убого. Увидел небольшой белый листок, исписанный черными письменными буквами, сиротливый, нищенский, на фоне этого великолепия... Вчитался. Траурное объявление, возвещавшее о смерти члена СП с 1934 года Бориса Викторовича Шергина. И все. Ни фотографии, ни обычного указания о дне похорон, панихиды. Шергин, Шергин... Кто такой?.. А может, это тот Шергин... Нет, нет, не может быть... О том же ведь рыдал бы сейчас весь Дом литераторов. Спрашиваю у дежурной. Пожимает плечами, спрашиваю у одного-двух членов СП, сытых, раскормленных, с павлиньей важностью прохаживающихся по вестибюлю, – тоже не слышали про такого. Звоню Юре Галкину... Да, да, тот самый... Да, **умер неповторимый волшебник слова, может быть, лучший писатель, живший в Москве** (*Выделено мной. – А.Б.*). А Москва и не знала, что такой есть... Что мы за русские? Почему не щадим, все топчем свое? От богатства непомерного, от щедрости?..» (*Серия книг «Федор Абрамов. Собрание сочинений в 6 томах»*).

* * *

Василий Макарович любил мать и уверял, что не переживет ее смерть, и любовь сыновью порой даже не по-деревенски

книжно изливал в письмах: «Мамочка, милая ты моя! Родная моя! Что же там у вас случилось такое? То ли ты заболела – не дай Бог!

Мамочка, моя родная, неужели ты заболела? Ангел ты мой родной, напиши мне скорее письмо. Друг ты мой старший, друг бескорыстный, сообщи мне, ради Бога, что у вас там случилось. У меня душа болит за Талю, за ее ребятишек». (...) Понятно, что с таким традиционно-русским, христианским отношением к миру Шукшин даже спрашивал у Марии Сергеевны в письме разрешение обзавестись третьим ребенком. Он мечтал о сыне, чтобы дать ему отцовское имя – Макар». (Василий Белов. «Тяжесть креста»).

Мария Сергеевна и при сыне, и после упокоения его любила Белова и Заболоцкого, *верных Васиных друзей*, и вечно ждала их в гости, а когда те навещали, словно сын, смертью смерть поправ, воскресал из мертвых.

«После смерти Макарыча я выбрал наконец время для поездки в Сростки и в Бийск, где доживала свои последние месяцы Мария Сергеевна, – вспоминал Белов. – Она невероятно тосковала по сыну, болела как раз от этой тоски. Она до слез обрадовалась моему приезду и много рассказывала о его детстве. [Позже Мария Сергеевна жаловалась в письме:] «Толя Заболоцкий посулился, может, придет, что-нибудь бы рассказал о внуках и Лиде, мы же ничего не знаем, как они живут. Обидно до горьких слез, Лида нам не пишет. Я писала, писала, а она не отвечает, мне даже стыдно стало, я ее беспокою своими письмами... (...) Василий Иванович, то, что написала, что Лида не пишет, я вас прошу... не говорить никому ради Бога. Мы никому об этом не рассказываем, только вам, потому что я знаю, что Вася вас любил,

вот я вам как сыну пожаловалась». (Василий Белов. «Тяжесть креста»).

Шукшин и Белов, оба русские крестьяне по духу и слову, по роду и племени, друг в друге души не чаявшие, бывало, и ссорились, и спорили до хрипоты; скажем, Белову не глянулись иные Шукшинские рассказы, напоминающие фелетоны, торопливо сочиненные, торопливо напечатанные; и даже воротило с души от рассказа «Верую» про обезбоженного попа-расстригу, пьяного в дым, плящущего и похабно поющего, попирающего веру во Христа...

Круто разошлись нареченные братья и во взглядах на Стеньку Разина... Возвеличивая разинские деяния, Валентин Распутин верно запечатлел Шукшинский взгляд на казачьего атамана: «Не может быть никаких сомнений: речь идет о духовной воле, о внутреннем раскрепощении человека, об изгнании из себя раба и осознании своей личности. В этом смысле Степан Разин сполна выполнил свою задачу: он действительно дал людям волю. Размахом поднятого им казацкого и мужицкого бунта он показал возможности народной силы и внушил народу, несмотря на поражение восстания, великую веру в себя. Если до того народ и батюшку-царя славил, не смея поднять вверх глаза, то после того он и под плети ложился с гордой душой» (В. Распутин. «Твой сын, Россия, горячий брат наш»).

Белов же узрел в Стеньке Разине не столь оборонителя казачьей гольтыббы и крестьян, обездоленных боярами и дворянами, сколь разбитного, разбойного атамана, подобного легендарному Кудеяру:

*Было двенадцать разбойников,
Был Кудеяр-атаман.
Много разбойнички пролили
Крови честных христиан...*

Подобным разбойным атаманом изначально слыл и Стенька, с воровской казачьей голытьбой бродивший по Волге, грабивший купеческие суда, а в «крестьянской» войне, кою возглавил, пролил русской крови столь, сколь Кудеяру не снилось в дьявольском сне, да и богохульничал вор, о чем поведано в судебном приговоре: «Вор и богоотступник и изменник донской казак Стенька Разин! В прошлом во 175-м году, забыв ты страх божий и царя, и великого князя Алексея Михайловича крестное целование и ево государскую милость, ему, великому государю, изменил, и собрався, пошел з Дону для воровства на Волгу. И на Волге многие пакости починил, и патриарши монастырские насады, и иных многих промышленных людей насады ж и струги на Волге и под Астараханью погромил и многих людей побил. (...) А во 178-м году ты ж, вор Стенька с товарищи, забыв страх божий, отступя от святыя соборныя и апостольския церкви, будучи на Дону, и говорил про спасителя нашего Иисуса Христа всякие хульные слова, и на Дону церковей божиих ставить и никакова пения петь не велел, и священников з Дону збил, и велел венчатца около вербы. (...) И такое паругательство чинил, чево нигде не ведетца, и священников и иноков и инокинь, обнажа безо всякого стыда, и всяких чинов людей из животов мучил розным томлением и муками, и самых младенцов не щадил.

(...) И в той своей дьявольской надежде вы, воры и крестопреступники Стенька и Фролко, со единомышленники своими похотели святыю церковю обругать, не ведая милости великого бога и заступления пречистыя богородицы, христиаиские надежды, и московских чудотворцов, и дивного в чудесех преподобного отца Сергия, Радонежского чудотворца, к царствующему граду Москве и ко всему Московскому государству, в такую мерзость пришли, что о имени великого бога, в троице славимого, и пречистыя богородицы, христиаиские заступницы и надежды, и слышать не хотели, уповая на дьявольскую лесть. И в том своем воровстве были со 175-го году по нынешней по 179-й год апреля по 14-е число, и невинную кровь христианскую проливали, не щадя и самых младенцов. (...) Вы, воры и крестопреступники и изменники и губители христианских душ...» (*«Список с скаски, какова сказана у казни вору богоотступнику и изменнику Стеньке Разину. Иmano для списку из Земского приказу»*).

Впрочем, за пролитую христианскую кровь русская армия столь жестоко наказала разинское войско, что содрогнулись небеса и простолюдые зареклось бунтовать. Ну, да зарок был не впрок и недолог...

Не помышляя о кровавой брани с русской армией, разбойник Кудеяр очнулся от смертных грехов:

*Вдруг у разбойника лютого
Совесть Господь пробудил.
Бросил своих он товарищей,
Бросил набеги творить.
Сам Кудеяр в монастырь пошел
Богу и людям служить...*

Кудеяр, таясь в глухом таежном скиту, полвека в слезах и стогах бился челом о землю, каялся в пролитой христианской крови, каялся в смертных грехах и обратился в святого отшельника Питирима; а вот Стенька Разин, безбожник, судя по свидетельствам очевидцев, не каялся ни в пролитой крови, ни в смертных грехах. Увы, более о внешней воле раздел казачий атаман, забыв о христианской воле, когда крещеная душа, раба земных похотей, через послушание Христу Богу, через

покаяние и смирение обретает волю от пороков; да хотя бы стремится скинуть рабское ярмо похотей ради любви ко Всевышнему и ближнему, и то слава Богу. А разве мог обезбоженный Стенька-вор мечтать об эдакой христианской воле. Недаром разинские разбойнички, на коих клейма ставить негде, сплелись в Соловецкой обители с еретиками, что затеяли церковный раскол, что ради двуперстия и хождения посолонь забыли любовь ко Всевышнему и ближнему.

ШУКШИН ПОКОРЯЕТ МОСКВУ

Шукшин умудрился забросить документы разом в Историко-архивный институт... была национальная тяга к русской истории... и в институт кинематографии; но архивный вскоре отпал, отпал бы и ВГИК, если бы не сибирские мужики, уже знаменитые кинодеятели Пырьев и Охлопков... Шукшин вспоминал: «Поступал на режиссерский после пяти лет службы на флоте, имел привилегию – вне конкурса, а знания, ясно, «корабельные». В приемной комиссии, на мое счастье, был Николай Охлопков. Он сам сибиряк, в ту пору в славе. Он, земля, меня вытянул на розыгрыш, спросив: «А где теперь критик Белинский?» Я ему подыграл: «Кажись, помер?» И про «Войну и мир» честно сознался: «Не прочел – толста

больно». Он оценил моё признание. А думаешь, московские мои сокурсники знатоками Толстого были? Охлопков, Царство ему небесное, отстоял моё поступление в режиссёры». (А. Заболоцкий. «Шукшин в кадре и за кадром»).

Но вот режиссерский диплом в кармане; впереди столичные мытарства, что растянулись лет на десять, истрепали нервы в труху: ради хлеба насущного снимался в заурядных картинах, лет пять спал, где ночь застигнет, – по теплу под мостом, в холода на вокзале либо у приятелей... «...Надежда засветилась после публикации в журнале «Октябрь». Главный редактор журнала Всеволод Кочетов и Ольга Румянцева помогли осесть в Москве. И никто больше. (...) (От давления «маститых

творцов» Шукшина, бывало, спасали киночиновники. – А.Б.). Утверждаю, если бы не Николай Трофимович Сизов, генеральный директор Мосфильма, “Калина красная” никогда бы не увидела свет. В книге Варламова у Сизова отчество – Фёдорович, и часто упоминание его в тексте без фамилии. Однако именно благодаря Сизову Тарковский переснял “Сталкера” дважды, Сизов же поручился за его выезд в Италию. Когда отделом культуры ЦК КПСС Сизов был отправлен возвращать его на Родину, Андрей даже не захотел с ним встретиться. По возвращении Сизов был уволен и через полтора года умер. (...) Он был государственным человеком, с ним считались Косыгин и Байбаков, сохраняя его от кляуз “именитых творцов”. Он руководил Мосфильмом два десятилетия², а выброшен был в одночасье, с появлением капитализма в России. Шукшин говорил о нём: “Иду к нему, как к родной душе. Его замечания всегда вменяемы” (...) Сизов после первой встречи поверил в Шукшина: предложил ему снять напечатанную в журнале «Наш современник» киноповесть «Калина красная»...» (А. Заболоцкий. «Шукшин в кадре и за кадром»).

Покоряя Москву, Василий Макарович, слава Богу, воинственно оберегал крестьянский нрав, мужичий нор и не покорился московской киношной «элите», прозападной, откровенно либо исподволь русофобской, хотя к покорности и склоняли мужика бездомных пять лет и десять лет битвы за право ставить народные фильмы.

Криво усмехались, снисходительно улыбались потомки влиятельных деятелей искусства, для коих российское кино – унаследованная вотчина; по-вороньи кружили над алтайским мужиком и вороги, но водились в киноискусстве и друзья: режиссер Пырьев, директор студии Сизов, артисты Алексей Ванин, Иван Рыжов – Ивана Петровича Шукшин любил, словно отца родного; артист Олег Борисов – его, мудрого и доброго, талантливого актера, Василий Макарович видел в грядущем фильме «Степан Разин»... Любил Василий Макарович и артиста Куравлева – картина «Живет такой парень» принесла ему и режиссеру Шукшину народную славу; и Василий Макарович видел Леонида Куравлева в роли алтайского хлебороба Ивана Расторгуева из будущего фильма «Печки-лавочки». Но, увы, актер не устоял перед соблазнами, как в будущем и Бурков...

«...В первом же разговоре, состоявшемся с Куравлевым по поводу роли, Макарыч почувствовал предательство и не мог этого скрыть. (...) В первый приход Макарыч понял: Куравлев не хочет играть роль. «Я же вижу, материал для него малахольный. Робинзона Крузо, Шелленберга играть хочет... (...) Звезда, выпорхнул Ляня». (...) Но еще надеялся –...может, одумается. Не одумался Ляня. (...) Буркову посчастливилось вдвойне: он стал другом Шукшина в самый исповедальный, самый «выверительный» период жизни Василия Макаровича». (...) Шутковское начало, привнесенное

---

² С 1970 года Сизов Н.Т. – заместитель председателя Комитета по кинематографии при Совете Министров СССР, в 1971–1986 генеральный директор киностудии «Мосфильм». С 1984 года 1-й заместитель председателя Государственного комитета по кинематографии СССР (Госкино СССР).

Бурковым в репетиционных разминках, подогривало Шукшина настолько, что он говорил: «Не так и больно будет без Куравлева, сыщутся еще ребята!» (...) [А позже] на корабле сказал мне: «Вот, Жора, на два фронта жить давно научен. И нашим, и вашим. Бывает, едва сдерживаюсь, — говорил он. — Лешу Ванина в упор не видит, тот ему не пригодится никогда, а перед Юрой Никулиным, Сергеем Федоровичем, ух, преклонен... и находчив. (...) Нет, не Матвея у него характер. Пусть поставит Жоржик «Ванька, смотри». Посмотрим... Артистизм его нутро скрывает, но сколько веревочка не вейся... А на Матвея буду звать Олега Борисова...». ³(А. Заболоцкий. «Шукшин в кадре и за кадром»).

Снимаясь в фильме Бондарчука...дабы помиловал барин, не зарубил «Стеньку Разина»... Шукшин воображал: а вдруг актеры, что снимались в фильме «Они сражались за Родину», будут играть в его фильме про мятежного казака, и усмехался: «Как

представлю себе их всех вместе, облаченных в одежды разинских есаулов, — почти все разьевшие... Ну, не верю ни одному слову Юры Никулина, одетого в солдата и говорящего из траншеи... Ну, убей, не верю. (...) Чем больше видел Шукшина в работе, в житейском круге, тем больше жалило какое-то его одиночество — вроде никогда не бывал без себе-седников и коллег, а все же был как-то отстраненно одинок. Ни один из маститых режиссеров студии его не поддерживал. Он снимался у Герасимова, надеялся на его поддержку. «Разина» Герасимов не поддержал и «Печкилавочки». Фильм шесть месяцев резали, дали низкую третью категорию, и лишь смерть Шукшина помогла — дали первую категорию и вернули в прокат. (...) Семейная жизнь была у него сложнейшая, не зря он часто называл ее «чесоткой». Детей любил и работу любил. Работа его спасала». (А. Заболоцкий. «Шукшин в кадре и за кадром»).

³ Матвей — герой будущего фильма Шукшина про Степана Разина.

* * *

Шукшин явился московской богеме в тельняшке, бушлате, кирзовых сапогах, а в линялом рюкзаке таилась амбарная тетрадь с деревенскими сказами. Мать продала корову, и Василий рванул в столицу учиться на артиста. Сапоги...даже не хромовые, а кирзачи... рождали снисходительную усмешку на барских лицах «золотой» столичной молодежи, что благодаря именитым и вельможным предкам полонила кино.

А ранее Шукшинские братья по духу и слову, крестьянские стихотворцы Есенин с Клюевым, красовались в столичных поэтических салонах в русских косоворотках, бережно расшитых по вороту и подолу, в липовых лаптях, при виде коих кривилась Зинаида Гиппиус, богемная аристократка; морщились и прочие салонные поэты «серебряного» века, смутного и обезбоженного. Туго сплетавший северное скитское старообрядчество со славянским язычеством,

чародей древнерусского словесного узора Николай Клюев по-крестьянски терпко и крепко пи-

сал про Есенина, а словно и про Шукшина:

*Ждали хама, глупца неупотребного,
В спинжаке, с кулаками в арбуз,
Даль повыслала отрока вербного,
С голоском слаще девичьих бус. (...)
Он поведал про сумерки карие,
Про стога, про отжиночный сноп.
Зашипели газеты: «Татария!»
И Есенин—поэт—юдофоб!*

Поначалу Есенин хитро подыгрывал богеме, изображая лапотного паренька, русокудрого Леля,

но вскоре, оперившись, встав на крыло, бросил богеме грубо, по-мужичьи:

*Посмотрим –
Кто кого возьмет!
И вот в стихах моих
Забила
В салонный, выхолощенный
Сброд
Мочой рязанская кобыла.
Не нравится?
Да, вы правы –
Привычка к Лориган
И к розам...
Но этот хлеб,
Что жрётё вы, –
Ведь мы его того-с...
Навозом...*

Шукшин любил стихи Есенина до слез, и Есенинские мотивы звучали в Шукшинских сказах. Василий Белов вспоминал: «Есенинская «Волчья гибель» ходила в Вологде рукописно, я переписал ее у Игоря Тихонова. Не случайно и Макарыч выделял у Есенина именно это стихотворение. Есенина он, как говорилось выше, просто боготворил. В воспоминаниях Ольги Румянцевой (записанных А. Лебедевым) говорится, как любил Шукшин Сергея Есенина, как они с Иррой (дочерью Румянцевой), сидя где-нибудь в углу, пели романсы на есенинские

слова и с каким жадным волнением слушал он живой голос Есенина, читающего монолог Хлопуши. «Когда монолог закончился, – рассказывает Ольга Михайловна, – Шукшин сел и заплакал. На другой день он снова пришел слушать эту пластинку. Сидел молча, опустив голову». А с какой болью, вспоминает далее Румянцева, пел он есенинское «Клен ты мой опавший», «Ты жива еще, моя старушка», «Над окошком месяц...» (В. Белов. «Тяжесть креста»).

Есенин красовался в крестьянской косоворотке, расшитой

обережными крестами, и просил: «...положите меня в русской рубахе под иконами умирать»; Шукшин по Москве щеголял в защитной гимнастерке, синих галифе и черных сапогах, бросая дерзкий вызов стильным деятелям искусства, враждебно чуждым русскому простолюдию.

Игнатий Пономарёв⁴, коего Василий Макарович по-дружески звал Игнахой, в повести «Шукшин» вопрошает друга:

«— Скажи — и на кой черт ты так одевался? Али не во что больше было?»

Шукшин долго хмурится, невидяще глядя на угли костра, непонятно похмыкивает, а потом резко скидывает голову:

— Наряд мой — это вызов ВГИКу, а точнее — призыв к благоразумию. Вгиковцы — про тебя не говорю, ты одевался просто — ша-стали по институту вечно кто с коконом, кто с локоном и разодетые почти все, как попугаи. А деревня русская в ту пору даже по великим праздникам в «кухвайках» ходила. (...) Буги-вуги, рок-н-ролл — «па-ба, па-ба!» — пляшут, помню, в общаге, и никакого-то им дела нет до того, что в этот час в деревне бабы с мужиками кричат, выбиваясь из последних сил, чтобы этим лоботря-

сам хлеба дать. Ух!.. (...) И мог бы одеваться, как они, но не одевался, потому что даже в одежде не желал походить на них! (...) На пижонов, что напоступали тогда во ВГИК, не имея за душой ничего, кроме папы-маминых громких фамилий да равнодушия и брезгливости к простому люду, — это я на своей шкуре испытал. Помню, иду однажды по третьему этажу института и вдруг слышу, как один слюнтявый отпрыск важного папаши изрекает, обращаясь к другому: «Если говорить о возрождении интеллигенции в России, то этот вопрос решится не скоро. Кстати, вон Шукшин — эта фамилия войдет в список интеллигентов, пожалуй, лишь в седьмом колене и то при условии, если ему вдруг удастся случайно закончить ВГИК и произвести потомство от кого-нибудь из нашей среды». А другой: «Безусловно: генетика!..»

— И ты не дал им по ромам?

— Дал! Но не тогда и не кулаком, а делом своим — фильмами, книгами. И еще дам, в гробину их! А они... Что они создали для народа, окончив ВГИК? Ничего путного! (...) Как во ВГИКе утверждали они себя пижонством, так и в искусстве пижонят, пустозвоны от кинематографа!» (И. Пономарев. «Шукшин»).

---

⁴ Игнатий Иванович Пономарёв одновременно с Шукшиным учился на сценарном факультете ВГИКа. Автор четырех сборников рассказов, двух повестей, очерков о людях русского села, автор сценария фильма «О чем молчала тайга», Пономарёв был дружен с Василием Макаровичем и через семь лет после смерти друга написал повесть «Шукшин». Сочинение увидело свет в журнале «Наши современники».

* * *

Поведаю еще про кирзачи и телогрейку, что в деревне кличут фуфайкой, куфайкой... Анатолий Заболоцкий, душевный друг, правдолюбивым харак-

тером сродни Шукшину, поминал, что Василий Макарович последние лет десять жил трезвенной жизнью — хмельного в рот не брал и пьянчуг на дух не переносил; хотя по

молодости, случалось, и бражничал; любил в молодые лета говорливые застолья, когда застольников любишь до слез и готов душу отдать за други своя; но, бывало, и угрюмо пил горькую, пытаюсь взнудать ожесточение и душевную боль после столкновения с горделивой «золотой» молодой, что загораживала ему путь в киноискусство, либо после пережитых обид, да не столь за себя, сколь за вечно унижаемого и оскорбляемого сельского жителя.

Макарыч, хотя по-крестьянски и хаял столичную богему, а тем паче пижонов и пустозвонов, но по-молодости, случалось, злым ветром заносило и его в богемные гульбища. Эдакой шальной хмельной волной прибило мужика и в поэтический салон Беллы Ахмадулиной, как некогда Есенина к Зинаиде Гиппиус; и в столично изысканном застолье Шукшин высмеял поэта Евтушенко, нацепившего галстук-бабочку: мол, ты же, паря, сибиряк со станции Зима, а на кой ляд бабочку напялил?! Прямо как пижон последний!.. Вызревала буча, но пижон столичный ловко извернулся: дескать, а сапожищи кирзовые не пижонство?! а потом и стих сочинил про бабочку и кирзачи.

То ли Евтушенко русел, то ли держал нос по ветру, и когда Россия процветала, сочинил песню «Хотят ли русские войны», но когда Россию, словно короеды древо, исподволь источили внешние и здешние враги народа, когда Россия, готовая рухнуть, опасно зашаталась, борзый стихотворец в одночасье из поклонника России обратился в поклонника Запада, что испокон века клял Россию. Коли и в добрые лета Шукшин с Евтушенко шли по жизни разными путями, то уж после крушения рабоче-крестьянского

государства и воцарения буржуазного хама и вовсе круто и враждебно разошлись бы их стёжки-дорожки. Что говорить про Шукшина, ежели Евтушенко бранили и сродники по духу, подобные Иосифу Бродскому, что в сердцах обозвал горластого стихотворца стукачом госбезопасности и обвинил в своей высылке из России; а Гафт, одного поля ягода, изукрасил Евтушенко в хлесткой эпиграмме: «Историческая вежа, / Смелый, вроде бы, опять, / Будет жить, почти уехав, / Политическая б...»

Перед городом Зима есть две станции, о коих здешние балагуры толкуют: Ньюра, надевай Шубу – скоро Зима... Гостил по осени в Зиминском музее поэзии имени Евтушенко; во дворе среди резных деревянных истуканов часа три слушал здешнего поэта – работяга жестко читал куплеты, словно бил молотом о наковальню. Мужик много пережил, перестрадал, и кондовые стихи мужика умиляли мою душу, равнодушную к мастерским виршам Евтушенко. Слушал мужика и кот, что дремал в скворечнике и проснулся...

А кирзачи... Причудливая судьба свела Шукшина с поэтессой Беллой Ахмадулиной, и мужик, хотя и ненадолго, но распрощался с кирзачами и фуфайкой. О том и помянула Тамара Пономарева в книге «Потаенная любовь Шукшина»: «Василий – неуверенный и бездомный, Белла – бежала благополучия. Но спор двух творческих людей шел не на равных, потому что Москва была городом Беллы, где ее знало множество домов, которые не однажды принимали их вдвоем. И эти дома навсегда запомнили будущую знаменитость – Василия Шукшина. А он тосковал по Алтаю и не понимал «интелли-

гентную заумь» поэтессы, хотя на всем протяжении жизни относился с уважением к таланту Ахмадулиной. Во время съемок фильма «Живет такой парень» Шукшин щеголял в сапогах и фуфайке. Рядом с утонченной, одетой по последней моде Ахмадулиной он выглядел деревенским мужиком. Белла стеснялась ходить вместе с Васей в дома к приличным людям и однажды уговорила любимого выкинуть в мусоропровод кирзачи и купить костюм, галстук и туфли...»⁵ (Т. Пономарева. «Потаенная любовь Шукшина»).

Алексей Варламов сочинил книгу о Шукшине, где, по суждению Анатолия Заболоцкого, изрядно искажен образ крестьянского писателя. Шукшиновед размышлял о том, как повёл бы себя Шукшин, проживи он дольше, «на чьей стороне был бы в августе 1991-го, а на чьей – в октябре 1993-

го, подписался бы под “Словом к народу” вместе с Василием Беловым или же оказался бы с Беллой Ахмадулиной... которая подписала в октябре 1993 года так называемое “Письмо 42-х”, поддерживающее расстрел Белого дома...” (...) По-своему самоубийственно упоминание имени Василия Белова среди подписавших “Слово к народу”. Не было там его подписи – была подпись Валентина Распутина. (...) Для чего-то Варламов возвеличивает роль Беллы Ахмадулиной в биографии Шукшина. На самом же деле после фильма “Живёт такой парень” они... не общались. (...) Я был свидетелем того, как в ЦДЛ он намеренно избегал с ней встреч. (...) Об отношении к Белле – я вспоминаю его афоризм: “Белла – цветок, пробивший асфальт. На большее её не хватит...” (А. Заболоцкий. «Кому в угоду перелопачивают Шукшина»).

---

⁵ По мнению А. Заболоцкого, про деревенский наряд Шукшина – выдумка Т. Пономаревой.

* * *

О ту мятежную пору пьяные ветры заносили Шукшина и к Владимиру Высоцкому, отчего смутные летописцы спорили до хрипоты...благо, не дрались... выясняя отношения художников, что явились в искусство из чуждых миров: из крестьянского и либерально-разночинного. У Федора Раззакова в очерковой книге «Владимир Высоцкий: козырь в тайной войне» есть глава «Высоцкий и Шукшин», где очеркист пишет: дескать, либералы, как и про их единовеца Ромма, сочинят такую же красивую, но лживую легенду о дружбе Шукшина с Высоцким:

«...За годы, прошедшие со дня смерти Высоцкого, кто только не писал о его отношениях с В. Шукшиным. Причем... все писавшие... сходятся в том, что это была настоящая мужская дружба, проверенная временем, учитывая, что Шукшин и Высоцкий познакомились в начале 60-х в общей компании на Большом Каретном. Однако, на мой взгляд, дружба если и была, то скорее шапочная, поскольку их разделяла не только существенная разница в возрасте – почти девять лет, но и нечто большее. Полагаю, если бы Шукшин и Высоцкий... сошлись друг с другом, то очень

быстро и разошлись бы – настолько разные это были люди, как по характеру, так и по своим жизненным устремлениям. (...) Не меньше причин разойтись у Шукшина и Высоцкого было из-за идейных разногласий. (...) Шукшин считал главным пороком этой власти, что она «жидовская», и оттого пропиталась коммерческим духом, а Высоцкий, наоборот, полагал, что именно евреев, как носителей более прогрессивных идей, в ней как раз в должной мере и не хватает для полного счастья. Именно поэтому Шукшин общался с русскими националистами (почвенниками) и жадно читал запрещенную литературу именно почвеннического направления (особенно книги философа В. Розанова), не жалея за фотокопии никаких денег. А Высоцкий общался с либералами-западниками и в основном читал литературу этого направления. (...) Идейные расхождения Шукшина и Высоцкого отражались и на их творчестве. Вспомним, как Высоцкий в сатирических песнях высмеивал в основном героев с русскими именами и фамилиями. Короче, шибко сильно доставалось от него «русскому Ивану». То он у него горький пропойца (в песне «Ой, Вань...»; 1973), то брошенный женой солдат (в «Песне Вани у Марии»; 1974), то неудачник горемычный и непутевый, дошедший до краюшка (в «Грустной песне о Ванечке»; 1974). (...) Совсем иначе рисовал в своих произведениях русского Ивана Василий Шукшин. Он у него хоть и чудик, но человек смекалистый, добрый, широкий. (...) Не случайно свое последнее произведение – сатирическую пьесу-сказку – Шукшин назвал «Ванька, смотри!» (после смерти автора название от греха

подальше сменяют на другое – «До третьих петухов»). (...) Возвращаясь к Высоцкому, вспомним, что он изобразил «русского Ивана» в начале своей песенной карьеры именно как антисемита, в образе «алкаша в бакалее» в песне «Антисемиты» 64-го года. Отметим, однако, что эту песню Высоцкий периодически исполнял на своих «квартирниках», однако именно с 1974 года это делать вдруг перестал. Может быть, на это повлияла смерть русского националиста Василия Шукшина?»

Тяжко переживая смерть Шукшина, Анатолий Заболоцкий решил уйти в долгий творческий отпуск, отвлечься от кино, и о ту пору режиссер Александр Митта (А.Н. Рабинович) предложил ему, после шукшинских фильмов знаменитому оператору, снять мелодраму «Сказ, как царь Петр арапа женил». Поддержал предложение режиссера и Высоцкий, который, вычернив лицо, и сыграл арапа. Анатолий почитал сценарий, узрел злую пародию на русских и отказался снимать мелодраму, за что Высоцкий отчитал и до смерти не здоровался.

Пока холопы тьмы не удалили, успел вычитать в «мировой паутине» читательские отзывы о хриплом поэте-песеннике:

«Для меня Высоцкий – это мой надбытовой, лишивший меня простой житейской ответственности, чудесный экстаз, в результате которого от меня ушла моя любимая жена – Россия. Теперь эта Россия вышла замуж за олигарха. Ей хорошо. Но плохо мне и 90% таким, как я, российским гражданам. Я вспоминаю свою счастливую молодость. Было так чудесно! Мы под Высоцкого деградировали в полной уверенности в том, что

советская власть не даст нам пропасть. Если бы автор ностальгической статьи о Высоцком была воцерковленной, то и статьи бы этой не было бы. Я говорю так потому, что мое единственное утешение в том, что своего кумира Высоцкого я теперь воспринимаю как тот соблазн, который нас вел в ад, но, и ужаснувшись пред которым, я воцерковился и теперь живу ради истинных, высоких, достойных человека, смыслов...» Андрей К.

«...Я прекрасно помню, что в то время Ахматовой, Есенина, например, – в школьных программах не было, а из окон повсеместно оголтело хрипел Высоцкий: «пей, гопота, гуляй, раванина, шали, шалава, трынди, быдло, а я тебе в дозу грязь – ложечку святой водички налью»... Время судит холодно и беспощадно. Все попытки поставить Высоцкого вровень с русскими поэтами не увенчаются успехом. Высоцкий – не гений, не русский поэт, более того он – сатанист, открыто, сознательно оскотинивший, сбивший с пути миллионы доверчивых, чутких к слову душ. Он поработал дьяволу, как никто. За что сегодня и почитаем действующей властью...» Елена Р-К.

Елена в сердцах демонизировала стихи «мятежного» барда, что рассекал по столице на роскошной заморской легковушке, о какой кремлевские чиновники могли лишь тайно мечтать; нет, бард был дьявольски талантлив, хотя сочинял и хрипло вопил *не на чувстве, а на нерве*, порой уподобляясь фельетонисту-куплетисту; но, случалось, чудом изредка и Божие, и русское вдруг пробивалось плачем из богемной и безродной, пропитой и прокуренной, крученой-верченой души. Бард под гитарный

бой, в душераздирающем, надсадном хрипе разрывался на два чуждых мира: еврейский, родной крови, и русский, овладевавший его душой; отчего в характере, как у подобных полукровок, причудливо уживались русская широта и простота души и еврейская изощренная предприимчивость.

Поэт Станислав Куняев в беседе с критиком Владимиром Бондаренко размышлял: «Высоцкий, конечно, был дитя своего времени. Как он сам писал «дитя безвременья». Как и его время, он сам был с громадным сумбуром в голове и в душе. Он хватался за все, что его окружало. Что интересовало народ, то входило в его артистическое сознание. Он мог быть и русским патриотом. Мог быть русским диссидентом. Можно какие-то его песни включить в обойму, обязательную для еврейской либеральной элиты. Каждый может найти для себя какие-то песни Высоцкого, близкие ему. Созвучные ему. Высоцкий сгребал под себя все болевые точки, определяющие его время, и оформлял в своем артистическом ключе. Из этого безусловно талантливого, противоречивого, нецельного, сумбурного человека стали делать культовую фигуру эпохи без точного понимания его собственных противоречий, сводя еще все это творчество к продолжению великой русской литературной классики. Это возмутило меня до глубины души. Я слишком ценю великую русскую классику. (...) Пишет в те же восьмидесятые годы поэт Александр Еременко, (...) что Высоцкий для нашей поэзии не менее важен, чем Пушкин, он создал такие же основные структуры русской литературы, какие до него создавали Ломоносов и Пушкин. Никак не

могу с этим согласиться. Станислав Говорухин в восьмидесятые годы сказал, что тот, кто не любит Высоцкого, или дебил, или антисемит... Это был тотальный дик-

тат, либеральный жуткий диктат, который навязывали даже сверху. А я – противник всякого диктата в литературе».
(<http://zavtra.ru/denlit/038/81.html>)

* * *

Что таить, Шукшин – откровенный русский националист... поясню, как и раньше, не нацист, не расист, а в смысле любящий русскую нацию, в чем нету греха и порока... Высоцкий же – противник русского национализма, а посему задушевной дружбы меж двумя художниками быть не могло, их связывал творческий интерес друг к другу, приятельство и собутыльничество. Валерий Золотухин писал: «Думал о Шукшине, Высоцком, о себе. Шукшин попал в друзья Высоцкого. Для меня это странно. За 16 лет работы и общения я никогда не видел их рядом. Не слышал о том, что они встречались. (...) Володя к концу жизни компанию себе *сочинил* из друзей: Шукшин, Тарковский, Годоровский...»

Высоцкий *сочинил* дружбу с Шукшиным, а Валерий Золотухин, будучи *несочиненным* другом Высоцкого, страдал от того, что Василий Макарович в картины свои не звал и, скажем, на роль Пашки Колокольникова из фильма «Живет такой парень» пригласил москвича Леонида Куралева, а не алтайского земляка Валерия Золотухина, который мог бы сыграть и поярче, – деревенский по родове и натуре, скромно талантливый, мог бы в картине спеть и сплясать. И эдакого народного самородка, что так и виделся в шукшинских фильмах, Василий Макарович в друзья не пускал, избегал и даже, поговари-

вали, однажды обмолвился: «Наш алтайский дурачок». Золотухин обиженно вписал в дневник: «Обо мне писали много, особенно после «Бумбараша». На премьере в Доме кино, по словам Заболоцкого, был и Шукшин и отозвался о моем полупьяном заявлении: «А это наш алтайский дурачок...» Заболоцкий вспоминал: «... Не досмотрев «Бумбараша», мы с Шукшиным покинули Дом кино, и по дороге Василий Макарович рассуждал: «Вот землячок алтайский, продал душу, и будет оценен, и будет служить верно, чему присягнул ролью «Бумбараша...»

Да, Валерий Сергеевич обижался на Шукшина: не звал в свои картины, что обрели восторженную любовь русского народа, не ходил на премьеры фильмов, где играл Золотухин, не навещал театр на Таганке, где Любимов верховодил, где Золотухина баловали главными ролями, хотя чаще в пристежку к Высоцкому-кореннику.

Народный артист и сочинитель крепких, терпких рассказов писал и дневник, отчего поклонники, а паче того тьма поклонниц, гадали на кофейной гуще: неужели именно сей почтенный дедушка с тросточкой откровенно и сладострастно пишет о любовницах?... неужели его обвиняли в юдофобии?... неужели артист завидовал Шукшину?... И Валерий Сергеевич запечатлел в дневнике мучительное гадание: да за какие такие вины в немилости я у

Макарыча: «Я обижался, что он не приглашает меня в свои фильмы. (...) Весьма допускаю, что ему (Шукшину) были какие-то мои проявления в обществе малоприятны и даже более. И все равно это ни о чем серьезном не говорит...».

Возможно, Золотухин предполагал, что Шукшин, плоть от плоти русского простолюдья, чурался его потому, что тот заигрался в *русскоязычном* театре, где русским духом и не пахло...от нынешних либеральных театров, словно из преисподней, курится серный смрад... но побитая западной молью, русская и русскоязычная интеллигенция высокопарно величала театр на Таганке «островом свободы в несвободной стране»; и «островок» сей, заискивающе елозя на полу и целуя лаковые башмаки Запада, изрядно послужил в «холодной войне» против Российской Империи, пусть о ту пору и Красной. На совести подобных «островков свободы» крушение Великой Народной Империи, под обломками которой сгинули миллионы русских душ; и эту трагедию пророчески запечатлел Шукшин в повести «Ванька, смотри...»

Впрочем, оборонительный русский дух, что хмельно и отчаянно бродил в душе Золотухина, артист успеха ради укрощал либо таил в песенном тумане, но после смерти Шукшина однажды выпрягся, и его русское обличительное слово прозвучало на Шукшинских чтениях в селе Сростки.

Когда слово донеслось до либеральных ушей, заросших русофобской шерстью, русскоязычные деятели искусств, словно нежить с Лысой горы, подняли такой ор и визг, что и покойник бы проснулся. Артист, оглушенный воем, тут

же очнулся от неожиданной-негаданной храбрости, спохватился, схватился за бедовую голову и стал то ли каяться, то ли открещиваться от дерзкого русского слова. Вот обширная выписка из актерского дневника: «Ну и жизнь мне устроил Андрей Смирнов своей статьей в «Литературке», назвав мое выступление на шукшинских чтениях «омерзительным зрелищем». Ещё он ударил по Толе Заболоцкому. Тут же посыпались отклики читателей. Один прислал использованный презерватив со словами: «Я твою жопу драл». Другая, еврейка (письмо я ее зря выбросил): «Мы уедем и наши дети будут жить хорошо, а вот как вы жить будете...» Документ – статья и письмо какой-то дамы, – что вывесил Любимов в театре на общее обозрение, превзошел всю подлость, что можно было ждать. Там я и антисемит, и черносотенец, и ярый хулиган. (...) Всю ночь я думал, как мне теперь жить, никому ничего не докажешь, не докричишься. Вытащил открытку поздравительную Распутина: «Слушал твое слово у Шукшина – очень и очень хорошо». И успокоился несколько. Почему я должен обращать внимание на «интеллигентный» плевков Смирнова и не верить спокойным словам мною любимого писателя и человека...»

Анатолий Заболоцкий в устной беседе поведал: «...Валерий Золотухин в своей речи на тех Шукшинских чтениях среди прочего сказал со сцены: дескать, меня не пускают в Америку – антисемит!.. Но какой я антисемит, коль играю в театре на Таганке у Любимова, которого, конечно же, в антисемитизме не заподозришь?! Вот Анатолий Заболоцкий, тот – антисемит... Анатолий Дмитри-

евич, услышавший столь грозное обвинение, рвался к сцене, пытался тут же горячо ответить Золотухину, но артист Михаил Евдокимов со товарищи уговорили помолчать, чтобы не вспыхнул скандал. Посоветовали сказать свое слово на реке Катунь, в праздничном застолье; но и за столами дубовыми, яствами медовыми слово Заболоцкому не дали, и тогда Анатолий Дмитриевич, подошел к Золотухину, который сидел рядом с тогдашним губернатором Суриковым, и сказал: «Холуй ты у элитной нации...» Вышеупомянутый Смирнов, тем алтайским летом наслушавшись подобных речей, брезгливо писал в «Литературной газете», что на Шукшинские чтения собирается свора экстремистов, подразумевая среди прочих Распутина, Белова, Личутина, а был бы жив, и Шукшина.

Увы, ныне, спустя четверть века, не отыщешь даже в «мировой паутине» ни либерально-обличительной статьи Смирнова в «Литературке», ни пламенной речи Золотухина, а когда Заболоцкий воспроизвел его речь в своей книге, издательство страха ради судейска удалило столь щекотливый эпизод Шукшинских чтений. А Валерия Сергеевича все же пустили и в Штаты, и в Израиль, и, говоря языком Золотухинского дневника, «публика еврейская» приняла его радушно:

«14 ноября 1992 года. Суббота. Нью-Йорк. (...) Утром мне был устроен коллоквиум по моим «антисемитским» заявлениям, настроениям. «Говорят, вы сказали на похоронах Шукшина или Вы-

соцкого, что его задавили, придавили». «Не пойте частушки – им тут на хрен не нужен русский фольклор, публика в основном еврейская». Смехов: «Дружил бы я с Золотухиным, если бы он был антисемит? Я мог бы работать, встречаться на улице, но не дружить». (...) 12 ноября 1997 года. Яша на концерте вчера: «В сердце у меня укоренилось, что ты антисемит. А я в это не верю. Я знаю, что ты потрясающе любишь русских, но у тебя нет причин не любить евреев, народ, который не причинил тебе никакого вреда...» (...) С каждым приездом в Израиль у меня появляется здесь всё больше и больше друзей. (...) Месяц я прожил счастливо. И грустно покидать эту благословенную землю, где окончательно растерял весь свой антисемитизм, растерял, правда, то, чего не имел...»

Василий Шукшин, Валерий Золотухин, Михаил Евдокимов – русские народные таланты и алтайские земляки, а творческие судьбы порознь: и если Василий Макарович избегал Золотухина, то мог чураться и Михаила Евдокимова – долго играл среди лицедеев, коих, увы, в русопятстве не заподозришь.

Подобно Астафьеву на исходе века и Валерий Сергеевич, похоже, покался в либеральном космополитизме и обостренно вспомнил, что кровь от крови, плоть от плоти русак чистопородный, ибо из крестьян; и примирился с Заболоцким, и на литературном вечере читал Василия Белова, вождя русского национального сопротивления.

ХОЖДЕНИЯ ПО МУКАМ

Десятилетние хождения по Мукам начались у Шукшина уже в институте: «...Михаил Ильич Ромм (...) запустил Шукшина с дипломом не на учебной студии, а на «Мосфильме». Шукшин снял «Из Лебяжьего сообщают» – защитил диплом и завис. Предлагали ехать в Свердловск, но он уже понимал: кино можно делать только в Москве. На «Мосфильм» с его курса Михаил Ильич взял только Сашу Рабиновича (Митта – такую он себе фамилию завел вместо отеческой), Андрея Тарковского и Саню Гордона. Пожелай бы Ромм, ничего бы не стоило и Шукшину попасть на «Мосфильм». [Василий Макарович поминал с горечью:] «Из общежития вгиковского на Язуе гнали, кормился актёрством. Снимался, где позовут, за многое теперь совестно. Михаил Ильич мог помочь мне, если б верил. (...) Михаил Ильич Ромм... – Макарыч заходил по кухне, размышляя вслух. – Наступит срок, напишу всю правду и про Михаила Ильича! Человек он, ох как значимый и всемогущий! Только я ему ещё и поперечным был. Правду наших отношений сейчас и «Посев» не обнарудует. Нет, благодетелем моим он не бывал, в любимцах у него я не хаживал, посмешищем на курсе числился, подыгрывал, прилаживался существовать. Несколько раз висел вопрос об отчислении, но особо – когда с негром в общежитии сцепился, заступился за девицу. Чудом уцелел, свирепее всех добивал меня секретарь бюро комсомола Леша Салтыков: выгнать и только» (*А. Заболоцкий «Шукшин в кадре и за кадром»*).

Позже Анатолий Заболоцкий вписал в рукопись сего повество-

вания: «После института Шукшина, режиссера, направили на Свердловскую киностудию... Вот судьба!.. Будучи студентом, снялся в фильме «Два Федора», его заметили кинодеятели, стали, как народного артиста, приглашать в фильмы, и Шукшин даже, бывало, из пяти фильмов выбирал, где сняться. Появился заработок – корм для семьи; но Шукшину хотелось самому снимать фильмы... Вернувшись из Свердловска, он говорил мне: «Кино можно снимать только в Москве; в Свердловске – своя артель и двойная цензура: местная и московская... На киностудии Горького, в коридорах Союза кино мне внушали: «Чего ты, кинооператор, цепляешься за Шукшина?! Никакой он не режиссер; он – актер, сценарист; у него культурки мало-вато и организаторская жилка не просматривается. Премия на международном кинофестивале – случайность; звание получил – Герасимов помог, он клонит Шукшина сняться в его фильме про Байкал...». Ох, как Шукшина, режиссера, и меня, кинооператора, трепали на съемках фильма «Печки-лавочки»; вспомнишь, и спина холодеет, а Захар Прилепин в телящике уверяет, что Шукшин был обласкан партийной властью, как никто, и звание и квартиры... Квартиру Макарыч получил, не один месяц бегая с документами... Сизов, директор киностудии, заверил двойную фамилию жене – Федосеева-Шукшина, которая после смерти Василия Макаровича уже через пять месяцев жила с молодым оператором Мишей Аграновичем... Хотя Бог всем судья, а не я...»

«Шукшинское покорение Москвы началось давно, еще с того времени, когда он ночевал под мостом, приглядываясь к столице и мечтая о вузе. Она, столица, действительно слезам людским не верила. (...) Осенью 1954 года насмешники тиражировали анекдоты про алтайского парня, вознамерившегося проникнуть в ту среду, где, по их мнению, никому, кроме них, быть не положено, взобраться на тот Олимп, где нечего делать вчерашним колхозникам. Отчуждение было полным, опасным, непредсказуемым. Приходилось Макарычу туго среди полурусской, а то вовсе нерусской публики. Часто, очень часто он рисковал, без оглядки ступал в непроходимые дебри» (В. Белов. *«Тяжесть креста»*).

Историк кино Валерий Фомин писал: «Московская кинотусовка уже тогда была очень прозападной, а Шукшин был ярким патриотом, человеком от земли, от народа. (...) Шукшин чувствовал себя здесь, в столице, изгоем. Он и говорил, и писал, и думал, и переживал происходящее по-другому. Эта шукшинская особость, инакость вызывала, с одной стороны, восхищение, но одновременно – и страшную зависть, ревность коллег. (...) [От коллег] Шукшин страдал, как никто другой. Мало кто знает, что после первого успешного фильма «Живёт такой парень» следующей постановкой Шукшина должна была стать «Точка зрения. Сказка о пессимисте и оптимисте». (...) Сценарий зарубили самым беспощадным образом. Причём зарубила не какая-то сидящая высоко таинственная цензура, а коллеги-кинематографисты. Их рецензии в одночасье похоронили будущий

фильм» (*Еженедельник «Аргументы и Факты»*. 22.07.2009).

Василий Белов вспоминал: «...Ему [Шукшину] ставили подножки на каждом шагу. Особенно обидным было то, что к другим, например, к Тарковскому, относились иначе: денег на постановки отпускалось Комитетом значительно больше, аппаратура, пленка предоставлялись намного качественней и т.д. Помню, каким-то ветром занесло меня на студию. Пробежали по павильонам, и вдруг я попал в глухую длинную деревянную трубу, сделанную из дорогостоящей вагонки. Труба в рост человека. Она была не прямая, даже с изгибами. Я изумился: «Что это, для кого такая машина?» Макарыч саркастически хмыкнул: «Сталкер». Слышал такое словечко? Я тоже не знаю, что оно значит. Наверняка что-нибудь да значит... Дают ему столько, сколько попросит». Речь шла об очередном «гениальном» фильме Тарковского. (В. Белов. *«Тяжесть креста»*).

Русская проза и поэзия рождали писателей книжных и народных, что равноправно уживались в отечественной словесности, и художники оценивались по силе воспетой любви к ближнему, по степени дарования. Книжные поэты Александр Блок, Юрий Кузнецов и народные поэты Сергей Есенин, Николай Рубцов – равноценны по таланту, и лирику их роднит мудрость, восходящая к небесам, и великая любовь к родному русскому народу. Впрочем, искусный писатель, случалось, искусно сплетал книжную вязь с народными кружевами. Подобно упомянутым поэтам можно сопоставить Шукшина с Бондарчуком, а вот с Андреем Тарковским эдак

не сопоставишь... Василий Макарович с Андреем Арсеньевичем не водился – разного поля ягода, и не враждовал, но, похоже, Тарковский снисходительно относился к фильмам сельского уроженца, а Шукшин весьма иронично к причудливому киноискусству Тарковского.

Тем не менее Анатолий Заболоцкий поведал мне, что на вечере в Дубовом зале Центрального Дома литераторов Андрей любезничал с Макарычем, предлагал купить дачу рядом с дачей отца, по эта Арсения Тарковского. Но если к создателю «Сталкера» Шукшин относился с почтительным либо ироническим отчуждением, то откровенно презирал режиссеров и лицедеев, что без стыда и совести ввали про сельскую жизнь: «Особенно возмущало нас хвастовство и шум, поднятые вокруг ульяновского «Председателя» (режиссер Салтыков). «Фальшиво же все!» – раздражался Макарыч, стараясь не быть услышанным каким-нибудь любопытным соседом. Я был полностью согласен с ним в оценке салтыковско-ульяновского «шедевра»». (В. Белов. «Тяжесть креста»).

Кино, подобно прочим видам искусства да и подобно самой советской власти, негласно раскололось на три лагеря – русофилы, западники и *красные интернационалисты*, кои, будучи русаками по роду и племени, тяготели к русофилам, но, случалось, перебежали к западникам, пугаясь, что повинят в нацизме, а пуще того в антисемитизме, как горемычного Золотухина. И вот, страшась русского духа, яко нежить креста, прозападная **киноэлита** лет десять и в очи, и позаочь поносила деревенщину, гордила кошейские буреломы на

пути в киноискусство, но благодаря **русской национальной киноэлите**, о ту пору тоже влиятельной и властной, Шукшинские фильмы пробились к народу и обрели народную любовь.

Разумеется, изрядно деятелей кино, кои любили творчество Василия Шукшина, порой даже и жертвенно... С восхищением помянулся вычитанный случай с талантливым русским киноактером и режиссером Леонидом Быковым, который в 1972 году поставил фильм «В бой идут одни старики»», где сыграл главную роль. В апреле 1974 года в Баку проходил VII Всесоюзный кинофестиваль, и жюри решило главную награду вручить Быкову за его картину, восторженно возлюбленную народом. Но Леонид Федорович потребовал отдать первую премию Василию Шукшину за фильм «Калина красная»: *«В списке, где будет Василий Шукшин на первом месте, я почти за честь быть хоть сотым. Ведь моя картина – это рядовой фильм о войне, а его – это настоящий прорыв в запретную зону, прорыв в сферу, о чем раньше и думать не позволялось. Так и передайте мои слова руководителям фестиваля»*. И хотя председатель комиссии, режиссер Станислав Ростоцкий твердо решил первый приз вручить Быкову за фильм «В бой идут одни старики», но Леонид Федорович, по-житейски мягкий, на сей раз жестко настоял на своем, и фильм Шукшина удостоился главной награды кинофестиваля.

О ту пору и познакомились истинно русские, истинно народные не по званию, а по духу, талантливые художники. Очевидец, актер Алим Федоринский, вспоминал,

что Быков, разухабистый и смелый в кино, в жизни был скромным, стеснительным и после награждения победителей кинофестиваля стеснялся подойти к Шукшину. Тогда Федоринский сам познакомил режиссеров, и те, улыбаясь, обнялись, словно старые друзья. Актер вспоминал: «До конца вечера они не отходили друг от друга, о чем-то без конца говорили, возбужденно жестикулируя и язвительно смеясь». А расставаясь, Леонид Федорович попросил Шукшина: «*Вася! Если в «Разине» надо будет сыграть табуретку –*

звони!»).

Но судьба, что в руке Божей, вышла иная: не поставив «Степана Разина», через полгода Василий Шукшин предал Богу душу, а через пять лет – и Леонид Быков.

Вычитав о геройском поступке актера Быкова – отказ от премии в пользу Шукшина, я невольно задумался: а случалось ли подобное в современной русской литературе, устоял ли некий писатель перед премиальным соблазном, отказался ли в пользу собрата по перу, чье произведение, на его взгляд, более достойно премии?..

* * *

Ранее повествования Белова «Тяжесть креста» увидела свет статья Валентина Распутина о Шукшине – размышления вслух, запечатленные в мыслеёмкие фразы и нравственные вопрошания, оставленные без ответов: «...**какая-то** невольная и незатухающая вина перед Шукшиным, стыд, сравнимый разве что со стыдом за несдержанное обещание. **Что-то** мы не сделали после Шукшина, **что-то** необходимое и важное, **в чем-то**, за что он бился, мы его не поддержали...» (*выделено мной – А.Б.*) (*В. Распутин. «Твой сын, Россия, горячий брат наш»*).

Какая-то, что-то, в чем-то... – слова-загадки, кои можно и так, и эдак отгадать: Валентин Распутин говорит, словно не ведая верно, **какая** наша вина перед Шукшиным?.. **что** мы не сделали в поддержку Шукшина?.. а беловская документальная повесть о друге, исполненная бесхитростно, в жанре подробных воспоминаний, и статьи Заболоцкого ясно изображают **какую-то**, не названную

Распутиным, нашу вину перед Шукшиным и **что** мы не сделали после Шукшина. А вина прозападных деятелей искусства, особо из киноискусства, крылась в том, что гласно и потаенно травили крестьянского режиссера, исподтишка совали палки в колеса либо низко оценивали деревенского выходца; вина же деятелей искусства из числа русофилов, обычно тайных страха ради иудейска, была в том, что ценили, но принародно не возмущались травле Шукшина.

Василий Макарович, скрипя зубами, унижался перед властными кинодеятелями, мечтая поставить фильм о Стеньке Разине, о крестьянском заступнике по Шукшину; унижался, словно Есенин перед Троцким, когда задумал издавать крестьянский журнал и книжные приложения к журналу. И правящие кинодеятели, ведая, что откажут в постановке фильма «Степан Разин», долго водили за нос мужика, похоже, по-барски наслаждаясь Шукшинским унижением: ишь, со свиным рылом да в

калачный ряд; сидел бы, Вася, на печи, протирал кирпичи.

Анатолий Заболоцкий вспоминал: «...Но вот [1970 году] пришел час. Сильные мира киностудии имени Горького в лице редакторов и членов художественного совета, среди которых были С. Ростоцкий и М. Донской, Т. Лиознова, и отсутствующих, но разделивших мнение художественного совета С. Герасимова и Л. Кулиджанова, под председательством директора студии Г.В. Бритикова прекратили проведение подготовительных работ по фильму «Степан Разин». (...) Лиознова жалящим голосом, усомнившись в самой личности Разина и замысла, заявила: «Если студия приступит к съемке трёх картин о Разине, – (сама в это время уже финансировалась на 13 серий о Штирлице), – большинство режиссеров студии должны остаться без работы». Худсовет был единодушный и недолгий, за фильм вступился лишь Паша Арсенов, но на него зашикали. Решение: закрыть на неопределенный срок до лучших времен...» (А. Заболоцкий «Шукшин в кадре и за кадром»).

Безжалостно *зарезали* съемки «Степана Разина» на студии Горького, где Шукшин числился в штате; тяжело шло в 1973 году на студии «Мосфильм» и обсуждение отснятого фильма «Калина красная»: «...Наступил день просмотра Генеральной дирекцией. После просмотра в директорском зале перешли в зал соседний. Н.Т. Сизов – во главе стола. (...) Уклончиво поговорил заместитель главного редактора В.С. Беляев. За ним жарко – С.Ф. Бондарчук, по его слову выходило: «Есть правда жизни и правда искусства.

Правда жизни в материале набрана, а вот есть ли искусство, надо ещё разобраться». Я увидел, как задрожали руки Макарыча на полированном длинном столе и брызнули слезы. (...) В завершение сам Сизов поддержал материал, сделал конкретные замечания, и предложил высказаться Шукшину. Тот страстно бросился отстаивать образ Прокудина, обращаясь как будто к единственному, от кого зависит судьба фильма, Сергею Федоровичу, и так проникновенно говорил, что повлажнели глаза Бондарчука. Хотя вначале Сергей Федорович даже испугался такого эмоционального напора... (...) На «Мосфильме» резко выступали против картины режиссеры Озеров, Салтыков...» (А. Заболоцкий «Шукшин в кадре и за кадром»).

Далее, по устным воспоминаниям Заболоцкого, дело вышло интересно: «Сизов, генеральный директор студии «Мосфильм», поддерживал деловые отношения с Алексеем Николаевичем Косыгиным, председателем Совета министров СССР, а посему в перерыве, покуривая сигарету «Мальборо», Николай Трофимович Сизов предложил осунувшемуся Шукшину: дескать, мы покажем эту сборку на правительственных дачах, а потом ты с таким же задором, как говорил сейчас Бондарчуку, выскажешься перед комиссией, и, я думаю, нас поймут. На даче черновой вариант «Калины красной» посмотрел Леонид Ильич Брежнев и проследился... На Большом художественном совете фильм после поправок был принят... Словом, если бы не Сизов и Косыгин, то Бондарчук с Большим советом могли бы и угробить фильм...»

«...Как из снежка, пушеного под гору, вырастает снежная баба с морковным носом, так и после смерти Василия Шукшина обильно и стремительно вырос круг его *близких* друзей, жаждущих покрасоваться на фоне Шукшина, а может, и копейку зашибить на изданиях, воспоминаниях. Попутно сочинялись и мемуары в духе: *я и Шукшин...* И вот, якобы, на Алтае затеялся вечер памяти Шукшина, где писателя вспоминали его приятели и знакомцы; и когда вечер уже затихал, на сцену самостийно пробился застарелый стихоплёт, который так измаял писателей кудрявыми и корявыми виршами, что иные слабонервные, завидев стихотворца, падали в обморок. Забрался мужичок на помост и вещает: «А ведь и я встречался с Макарычем, и я хочу писать воспоминания... Помню, вхожу в приёмную второго секретаря Алтайского крайкома партии, а секретарша говорит: «У него Шукшин на приеме...» О, думаю, подфартило: с Шукшиным свижусь, побеседую, – худо-бедно, старинные друзья с Макарычем. Выходит Шукшин... в сапогах, кожаном пиджаке, сердитый... тут я и подбежал: «Здравствуйте, Василий Макарыч; помните меня?... я вам стихи посылал... в амбарной книге...» Макарыч и говорит: «Почитал, почитал, дружище; да ты же ходячий гений...» Но тут вздыхается другой поэт и обличает «гения ходячего»: «Да мы же, Федя, с тобой вместе были в крайкоме, и я слышал, что Макарыч ответил; он вот так махнул рукой на тебя и говорит: «Пошел-ка ты, Федя, к едре-е-ене фене!...» (*А. Байбородин. «Поле брани Виктора Астафьева»*).

Выше речь о жалком и дурковатом рифмоплете, но после смерти Шукшина в *задушевных и закадычных друзьях* Василия Макаровича вдруг очутились деятели искусства, кои еще вчера брезгливо морщились, поминая сибирскую деревенщину. Предал Василий Макарович Богу душу, и полвека без мало вокруг имени Шукшина, припахивая дьявольской серой, клубится дымом, словно из адского пекла, пустое словословие, сплетенное суесловие, запальчивые митинговые речи и лживые домыслы, вымыслы, особливо из лукавых уст *шукшиноедов* – вчерашних откровенных и нынешних скрытных врагов Шукшина, и лишь в повествовании Белова и статьях Заболоцкого – правда о том, что жил и творил талантливый русский художник в *русской* столице, наводненной нежитью, живописно ожившей в повестисказке «Ванька, смотри».

Василий Белов и Анатолий Заболоцкий, сродные Шукшину по любви к простому русскому народу, с горечью писали о том, что после смерти Шукшина на имени его стали зарабатывать честолобивые, сребролюбивые литераторы, издатели, чиновники от культуры, чуждые, а порой и враждебные русскому духу и русскому слову крестьянского писателя. Если бесы в повести-сказке «Ванька, смотри», искусив русского мужика, овладели монастырем – образ России, то в жизни бесы попытались овладеть и *Шукшиным* – *зашибить денюгу на Шукшине* и шукшинское слово перевернуть, заболтать и обесценить. Но то случилось после смерти знаменитого актера, режиссера, а на Астафьеве, Распутине честолобцы,

сребролюбцы, похоже, зарабатывали и при их земном обитании. В очерках о литературе я уже поминал, и ныне не грех вспомнить околотитературных лукавцев: обвыклись хитромудрые издатели и лукавые критики пасти именитых, писателями до них открытых, – хвалебные оды с лёту напечатывают в любом журнале, и засверкаешь в лучах чужой славы, как пятак надраенный, и злато-серебро посыплется на лавровую голову...

Вот критик Лев Аннинский – шукшиновед, на коего благосклонно ссылался Валентин Распутин в статье о Шукшине: «Критик Лев Аннинский, писавший о Шукшине, называет это – *«незаполненная полость в душе»*. (Здесь и далее выделено мной. – А.Б.) И ведь отнюдь не материальный интерес, о котором столько кричат, движет героя, здесь-то он обеспечен, защищен и марку держит. Но он смутно догадывается, что при всей материальной укрепленности его душа заполнена *чем-то не тем, чем-то подложным*, и потому преследует этого человека вечный страх обмана, и отсюда – его болезненная агрессивность, его мстительный прищур. А причина – все та же: *незаполненная полость в душе*. И невозможность стерпеть это...» (В. Распутин. «Твой сын, Россия, горячий брат наш...»).

Думаю, мудрые герои Шукшина мыслили не столь смутно: *чем-то не тем...*; думаю, мужики из духовно трезвенных крестьян ясно чувяли, чем наполнена их душа – исконно нравственным светом или подложно лукавым сумраком – ибо ведали, что *сумрак*, а что *свет*, что *праведность*, что *искус*; и опрометчиво Валентин Распутин ссылался на Льва Аннинского, который, по свидетельству Заболоцкого, отно-

сился к творчеству маловедомого деревенщика Шукшина весьма пренебрежительно, а мировоззренчески, как *махровый интеллигент*, воинственно противостоял *крестьянской спеси* Василия Макаровича: «...Я помню первую встречу с Аннинским в 1975 году в кинотеатре “Уран” на Сретенке, которого уже в помине нет, на встрече со зрителями. Встреча шла скучно, пока Аннинский, резко приблизившись к краю сцены, наклонившись над залом, критикуя киноязык шукшинских фильмов, не заявил: “Шукшин – враг интеллигенции”. (...) Из зала раздался возглас как гром: “Сам ты враг!” (...) Аннинский, прервавшись, попросил объявиться кричавшего. Тот просто душно встал. Часть зала и оратор потребовали выдворить нарушителя из зала. Тут же нашлись и исполнители. Вслед изгоняемому кричали: «Пьянь! Черносотенец!» (А. Заболоцкий. «Шукшин в кадре и за кадром»).

За кулисами Заболоцкий спросил Аннинского: «Ну что, победил?...», и они с ненавистью посмотрели друг на друга, а вскоре Лев Александрович, *вчерашний ругатель* Шукшина, видя всенародную славу крестьянского писателя, вдруг становится *нынешним любителем* Шукшина и даже монопольным шукшиноведом; с благословения *неутешной* вдовы хозяйничает в архивах Василия Макаровича, пишет предисловие к изданиям Шукшина и, по словам Заболоцкого, уже не величает деревенского выходца «врагом интеллигенции, а расплывчато ценит его писательское дарование и обаяние».

Именно, расплывчато, ибо Аннинский узрел в шукшинских героях *незаполненную полость в*

душе; а это ж тень на плетень, это ж с больной головы на здоровую, ибо лишь у безродной интеллигенции душа пуста либо заполнена отравой безбожного и бесстыдного искусительного знания, *души* же шукшинских героев, выходцев из крестьян, до краев, до сердечной боли и слез *наполнены любовью* к ближнему, любовью к державе и мудростью, что мучительно восходила из дольного мира в горний. И в Шукшинской душе не роилась пустота, не свистел ветер в пустоте; но сладко и горько томила душу умиленная и жалостливая любовью ко простому русскому люду.

Легион недругов Шукшина – мудрецы, зараженные проказой нравственного цинизма и национального нигилизма, склонные к русофобии, – ведали: в отличие от изящной словесности, кино – искусство массовое, пасет души нации, а посему пастыри тьмы и окопались в киноискусстве, куда Шукшин ринулся, где мужика, яко былинного Илью Муромца, поджидал трехглавый Змей Горыныч. Срубил Макарыч три башки, да и сам истек кровью; а у Змея три главы вновь отросли, и Горыныч вместе с ватагой бесов, что захватили монастырь, полонил Русь шукшинскую (*повесть-сказка «Ванька, смотри...»*).

В сказе «Привет сивому» и подобных сочинениях писатель, словно углем на холсте, рисует быт и нравы столичной «элиты» с ее «общечеловеческими ценностями», где царят сладострастная гордыня, изощренное любострастие, ярое честолюбие и сребролюбие. За эдакие косые, исподлбья взгляды на «элиту» крестьянского писателя обвиняют в «патологической ненависти провинциала ко всему на себя не похожему».

Столичные деятели искусства о «деревенском хаме» толковали лишь в дружеских застольях либо мимолетно в публичных речах, подобно Аннинскому, что по воспоминаниям Заболоцкого, браня киноязык шукшинских фильмов, обозвал народного режиссера, народного артиста врагом интеллигенции. Если Аннинский, нынешний «знаток и любитель» Шукшинского творчества, может откреститься от злой хулы, то на свою беду сразу после смерти Василия Макаровича высказался письменно в кратком слове Фридрих Горенштейн «Вместо некролога на смерть Василия Шукшина», Израиль; и слово шаталось в списках среди писателей...а может, и среди кинодеятелей... хотя в печати явилось лишь после смерти Фридриха Наумовича: «Что же представлял из себя этот рано усопший идол? В нем худшие черты алтайского провинциала, привезенные с собой и сохраненные, сочетались с худшими чертами московского интеллигента, которым он был обучен своими приемными отцами. Кстати, среди приемных отцов были и порядочные, но слепые люди, непонимающие, что учить добру злодея ≈ только портить его. В нем было природное бескультурье и ненависть к культуре вообще, мужичья, сибирская хитрость Распутина, патологическая ненависть провинциала ко всему на себя не похожему, что закономерно вело его к предельному, даже перед лицом массовости явления, необычному юдофобству. От своих же приемных отцов он обучился извращенному эгоизму интеллигента, лицемерию и фразе, способности искренне лгать о вещах, ему не знакомых, понятиям о комплексах, под которыми часто скрывается

обычная житейская пакостность. Обучился он и бойкости пера, хоть бойкость эта и была всегда легковесна. (...) И он писал, и ставил, и играл так много, что к концу своему даже надел очки, превратившись в ненавистного ему очкарика. (...) На похоронах этого человека с шипящей фамилией, которую весьма удобно произносить сквозь зубы, играя по-кабацки желваками, московский интеллигент, который Анну Ахматову, не говоря уже о Цветаевой и Мандельштаме, оплакал чересчур академично, на этих похоронах интеллигент уронил еще одну каплю на свою изрядно засаленную визитку. Своим почетом к мизантропу интеллигент одобрил тех, кто жаждал давно националистического шабаша, но сомневался $\approx$ не потеряет ли он после этого право именоваться культурной личностью. *(Текст является приложением к книге А. Заболоцкого «Шукин в жизни и на экране». Роман-газета. № 10. 1999 г.)*

«Вот такой человеконевистнический опус, полный голословных обвинений. Подобного надругательства над только что усопшим не допускалось даже в первобытном обществе», – гневался Заболоцкий в отзыве на текст Горенштейна *(Публикация на сайте «Первая десятка «Русского переплета»»*. <http://www.pereplet.ru/rayting10.shtml>).

«Некролог» Горенштейна бродил в списках среди писателей... хотя, может, и среди кинодеятелей... но после того, как Заболоцкий опубликовал сей текст в своем очерке о Шукшине, некие деятели по телефону грозились подать на Анатолия Дмитриевича в суд за публикацию. Но, по свидетельству Заболоцкого, текст ранее был

опубликован в Израиле, то некие деятели, грозящие судом, отвязались от него.

О Горенштейне, что вознес пядю на Шукшина, в Википедии речено: «Написал много произведений, из которых в СССР был опубликован только один рассказ, но сделавший ему имя, – «Дом с башенкой», в журнале «Юность» в 1964 году. Творчество Горенштейна высоко ценили те, кому он доверял читать свои неизданные произведения. В этот узкий круг входили, в частности, кинорежиссеры Андрей Тарковский *(Горенштейн сочинил сценарий для фильма Тарковского «Солярис» – А.Б.)* и Андрей Кончаловский, писатель Юрий Трифонов, критики Лазарь Лазарев, Бенедикт Сарнов, Анна Берзер, Инна Борисова, драматург Виктор Славкин, драматург и режиссёр Марк Розовский. Все они считали Горенштейна гениально одаренным мастером».

В хвалебной аннотации для книги «Бердичев» некий интернетный читатель и почитатель Горенштейна утверждал: «...Пьеса «Бердичев», по мнению критиков, входит в сокровищницу мирового еврейского искусства». Но «до последнего времени Фридриха Горенштейна, тогда еще живого классика русской литературы, попросту отказывались публиковать в России». *(М. Полянская. «Из воспоминаний о Фридрихе Горенштейне»)*. А Григорий Никифорович, «русский» литератор из американского города Сент-Луис, в очерке «Иудео-христианство писателя Фридриха Горенштейна» и пуще возвеличил опального советского беллетриста: «Фридрих Горенштейн скончался в Берлине в марте 2002 года. (...) Уже при жизни критики ставили писателя

вровень с такими гигантами, как Достоевский, Чехов и Бунин».

Не шавка подворотная обляяла Шукшина, а классик «мирового еврейского искусства», «живой классик русской литературы» с иудео-христианским уклоном, столь любезный всесветно славленным режиссерам Тарковскому и Кончаловскому, писателю Трифонову и прочим *избранным*, избалованным художникам. Похоже, иудео-христианин Фридрих Наумович, что бранил православного Василия Макаровича, и упомянутые выше великие режиссёры, полагали, что талант Горенштейна, *восходящий к гениальности*, разумеется, на голову выше Шукшинского. Тем паче, писал Фридрих Наумович о том, о чем якобы трусливо умалчивали советские писатели: о верующих и сумасшедших, о Моисеевых чадах, страдающих от юдофобии, о русских фашистах, клятых гэбэшниках и стукачах.

Однажды Шукшин молвил Белову: «Про нас с тобой говорят, что у нас это эпизод, что мы взлетели на волне, а дальше у нас не хватит культуры, что мы так и останемся – свидетелями, в рамках прожитой нами жизни, не больше. Неужели так? Неужели они правы? Нет, надо их как-то опружить...» (...) Снобистскую, порой презрительную снисходительность к себе я чувствовал в не меньшей мере и на каждом шагу старался забыть оскорбления и обиды.(...)...Главную тяжесть похорон Макарыча принял на свои плечи... Заболоцкий. (...) Очередь желающих попроситься с Шукшиным повергла в изумление даже гугнивого Евтушенко. В Доме кино кинематографические бонзы хватали нарукавные повязки и суетливо сменялись у гроба нашего друга. (...) Смерть

Шукшина, на мой взгляд, подобна смерти Есенина. Шипенье змей продолжается, яд копится, истекает с их гнусных зубов даже после смерти Макарыча. Змеи, вернее, черти, захватившие монастырь, пишут этим ядом нашу историю... (...) Шельмование шукшинского наследия за четверть века отнюдь не прекратилось (...) По случаю 70-летия Шукшина газетка, конечно, начала не с Шукшина, а со слащавого панегирика Андрею Тарковскому. «Надо меньше чувствовать и больше думать», – крупным шрифтом сообщает газетка слова *киногеня...*» (В. Белов. «Тяжесть креста»).

О том же говорит и Анатолий Заболоцкий: «Все должностные профессора-киноведа, говоря о Шукшине, до сих пор непременно адресуются к Тарковскому, впрямую или подтекстами подводя: “Он-де кинокультура, а кино Шукшина – лапотный натурализм, и говорить-то не о чем”». (А. Заболоцкий. «Кому в угоду перелопачивают Шукшина»).

Помянув о смерти Шукшина, я вспомнил ранешние слухи о гибели писателя: прозападные либералы полагали – от госбезопасности, русские националисты думали – от злобных и завистливых либералов. По поводу участия госбезопасности, думаю, верно рассудила Мария, дочь артиста Георгия Буркова, попутно добавила сцену, читать кою и смех, и грех: «Столько слухов по поводу той смерти: мол, отравили Шукшина. Просто на этом пароходе, где они жили, ему стало плохо с сердцем. А никакой аптечки не было. Нашли капли Зеленина, дали ему. И он пошел спать. Папа утром, как всегда, постучал в каюту Шукшина, открыл дверь. Увидел и тут же дверь закрыл.

Как он рассказывал, будто холодной водой окатило. Позвал Николая Губенко, который прогуливался по палубе. И они уже зашли вместе... Насчет отравления. Ну кому нужно было травить Шукшина?! Он снимал, что хотел. Сам подумай: в те времена сделать фильм «Калина красная», где в главной роли – зэк, разве можно было?! А ему позволили. К тому же он был и членом Коммунистической партии. Никому Шукшин не мешал... «Но вдова – Лидия Шукшина – уверена в этом отравлении...» «Пусть она говорит, что хочет, но правду

все знают. Отец был в шоке, когда после смерти Шукшина к нам домой пришла Лидия Николаевна и сказала: «У Васи из каюты пропали книги и джинсы. Где они?» Папа говорит: «Лидя, наверное, они там-то». Вдруг она смотрит на джинсы, в каких был отец, и спрашивает: «А на тебе не джинсы Васи?» Моя мама еле сдержалась, чтобы не растерзать Шукшину. Так что давай не будем про выдумки этой женщины». (*Перанов О. «Дочь Георгия Буркова: Мама еле сдержалась, чтобы не растерзать Шукшину»*).

* * *

Речено выше, что Лев Аннинский, вчерашний хулигатель Шукшина, вдруг обратился в поклонника крестьянского писателя, словно окрестянился на манер Льва Толстого, и вместе с сим матерым критиком народились прочие шукшиноведы, иные близкие, иные чуждые Шукшину, как чужды были друг другу крестьяне и дворяне, утратившие русскость. А посему от иных шукшиноведческих сочинений веяло русофобией, хотя и не откровенной, как у чванливого беллетриста Б., а потаенной, более опасной для русского мира.

В далекую, счастливую для русского искусства, советскую эпоху издатели изобрели книжную серию «Жизнь замечательных людей», книги которой выходили миллионными тиражами. В очерковых повествованиях – судьбы воистину выдающихся...чаще российских... деятелей культуры, образования, науки, военной и гражданской службы. Сокрушившие Красную Империю, сокрушили ее идеалы, созвучные идеалам Царской Империи, а посему в серии

уже наряду с талантливыми державными деятелями восславлялись и сомнительные типы.

Но если личность, удостоенная *жэзээловской* книги, и впрямь была велика и державно созидательна, то близок ли духом был сочинитель книги запечатленному герою?.. не переврал ли его нрав и творческую судьбу в угоду своим убеждениям?..

Среди шукшиноведов, созвучных Льву Аннинскому, – писатель Алексей Варламов, о книге которого Анатолий Заболоцкий писал: «В серии ЖЗЛ издательства “Молодая гвардия” опубликована биография В.М. Шукшина, написанная Алексеем Варламовым. Прочитал, и голова пошла кругом. Навалилась бессонница. Мне нарисовали Макарыча совсем не таким, каким я его знал. В книге бессчётное количество эффектных случаев, фактов, сообщённых конкретными людьми, но в финале каждого случая автор опровергает его правдивость. Зачем же он их публиковал? Чтобы запутался читатель? Однако каждый эпизод,

подвергнутый “зачёркиванию”, в контексте книги сочтётся ядом неприятия личности Шукшина и не скрывает симпатий самого автора к либеральному крылу “нашей литературы”. Сожалею, что позволил издательству использовать мой фотоархив...» (А. Заболоцкий. «Шукшин в кадре и за кадром»).

По суждению Заболоцкого, Василий Макарович, изображённый и праведным, и легендарно скверным, предстает личностью смутной, двоедушной, и книгочей-простец вольно ли, невольно в легенды уверует, ибо нет дыма без огня. Вот цитата, прочитав кою, вчерашний почитатель крестьянского писателя тревожно вопрошает: Шукшин – мужик добродушный и честный или злой и лукавый?.. и одолевают былого почитателя мрачные сомнения в личности, возлюбленной народом: «Историю жизни Василия Макаровича Шукшина можно рассказать по-разному, – размышляет Варламов в главе «Не на того напали». – Можно написать героическое сочинение о том, как парень из далёкого алтайского села сумел по-гагарински (или, учитывая фактор землячества, по-титовски) чудесным образом взлететь на высоту своего времени, стать великим писателем, режиссёром, актёром и стяжать прижизненную народную славу, не так часто выпадающую на русскую долю, когда “любить умеют только мёртвых”. А можно изложить этот сюжет совсем иначе, обнаружить **за всеми шукшинскими удачами и достижениями жёсткий и точный расчёт, нацеленность на успех, ломание чужих судеб – особенно женских. Можно увидеть в Шукшине удачливого конъюнктур-**

щика, прошедшего по самой грани дозволенного, (Выделено мной. – А.Б.) можно – русского советского патриота, а можно – скрытого антисоветчика, лишь прикидывавшегося коммунистом и ловко использовавшего преимущества социализма. (...) Можно найти изысканную месть, умное хулиганство в духе его героя из рассказа “Срезал” Глеба Капустина или безобразную антиинтеллигентскую выходку и сослаться на высокомерные слова писателя и киносценариста Фридриха Горенштейна в адрес Шукшина» (...)

В главе: «Я у них учусь», воздавая хвалу Коробову, автору изданной в ЖЗЛ в 1984 году книги «Шукшин. Творчество и личность», Варламов целиком приводит эпизод, в котором Коробов утверждает, что Шукшин по дороге в Москву был завербован в воровскую шайку, подтверждая вывод письмом, присланным ему в 1978 году профессором Борисом Никитчановым из Казани. Варламов подчёркивает в финале своё отрицание этого факта, ссылаясь на неточность дат пребывания Шукшина в Казани и в Москве. У читающего же остаётся впечатление, что Шукшин уголовник. В своё время я спрашивал Коробова: “Встречался ли он с профессором из Казани?” Он бросил мне, негодуя: “Я сочинитель и учусь у Василия. Скажи лучше, почему тебя Федосеева ненавидит?..” На том и разошлись... (...) Варламов цепляется за мысль о принадлежности Шукшина к уголовному миру и пишет следующее: “Таким образом, хронологически он не имел возможности долго находиться в уголовной среде, но то, что он мог с ней так или иначе соприкоснуться, как мы увидим дальше,

исключать нельзя”. (А. Заболоцкий. «Кому в угоду перелопачивают Шукшина»).

Описав, как Варламов утонченно демонизировал Шукшина, Анатолий Заболоцкий делится мрачными слухами: «...А ещё страшнее слух идёт, что Варламов в прессе объявил, что собирает материал для биографии В.И. Бело-

ва. Помнится, какой была оголтелой критика на роман Белова “Всё впереди” (...) А теперь в книге о Шукшине Варламов утверждает, что именно Белов влѣк Шукшина к ксенофобии в главе “Пил и антисемитствовал”. Господи, не попусти осуществить фарисейский труд!» (А. Заболоцкий. «Кому в угоду перелопачивают Шукшина»).

ЛИТЕРАТУРА – ЦАРИЦА ИСКУССТВ, И МОТЫЛЬКОВОЕ ИСКУССТВО КИНО

Говоря, по правде, не художественная проза, а кино принесло Шукшину мировую славу и всенародную любовь, вознесло на пьедестал русского национального героя; не будь кино, Шукшин, маловедомый книжечю простецу, лишь встроился бы в ряд писателей-деревенщиков за Астафьевым и Распутиным. Кино же, одарившее всесветной славой, изматывало, изнуряло, случалось, раздражало – в киношной суете сует и томлении духа сгорали синим полымем драгоценные годы и писательский азарт. «Макарыч всерьез думал о литературе как основной своей деятельности. Но кино держало его довольно цепко. Стоило ли тратить на него так много сил, времени, нервов?» (В. Белов. «Тяжесть креста»).

Леонид Максимович Леонов писал Василию Шукшину: “Бог дал тебе талант владеть словом. (...) Перестань заниматься мотыльковым искусством кино». А Михаил Шолохов по-отечески возлюбил Шукшина, словно родимого сына в русской прозе: «Не пропустил он момент, когда народу захотелось сокровенного. И он рассказал о простом, негероическом, близком

каждому так же просто, негромким голосом, очень доверительно. Отсюда взлет и тот широкий отклик, какой нашло творчество Шукшина в сердцах многих тысяч людей...»

Здесь оговоримся: Шукшин же, увы, подверженный либеральным вымыслам, как и Астафьев, не сразу возлюбил русского народного писателя: «В последний приезд Шукшина со съемок в Москву – по-моему, это было в начале сентября 1974 года – он был испуган и взвинчен. По его рассказу, самым крупным событием прошедших дней было для него посещение съемочной группой Шолохова. По мнению, созданному в Москве о Шолохове, он представлялся надуманным классиком, который и «Тихий Дон» будто бы не сам написал. Макарыч вспоминал, как на пароме в Новочеркасске музейная дама втолковывала ему новые данные из Англии о плагиате Шолохова. (...) «Обязательно побываем у него до начала Разина, – весело надеялся Шукшин. – После Шолохова я по-другому взглянул окрест себя». (...) После Вешенской Шукшин всерьез задумался о возвращении на родину навсегда: «Только там и выживу и что-то сделаю».

(А. Заболоцкий. «Шукшин в кадре и за кадром»).

«Частенько он спрашивал меня о Шолохове (...) Его встреча с Шолоховым во время съемок фильма «Они сражались за Родину» перевернула все его интеллигентские представления о писательстве... Нельзя забывать, что евреи с помощью демагогии энергично и постоянно внушали нам ложные представления о Шолохове. Ядовитая мысль о плагиате, запущенная определенными силами и поддержанная Солженицыным, посещала иногда и мою грешную голову. Сердце, однако же, вещало нечто другое (...) Мои тогдашние представления о Шолохове связаны были не с солженицынской инсинуацией о «Тихом Доне», а с «Поднятой целиной», где главный герой учит мужиков-казаков, как надо пахать. Я не напрасно считал эту книгу уступкой конъюнктуре, что и подтвердилось в серьезных и благожелательных исследованиях. (...) (В. Белов. «Тяжесть креста»).

Последняя публичная беседа Шукшина была записана журналистами на хуторе Мелоголовском в 1974 году, за два месяца до исхода Василия Макаровича в мир иной, когда тот, освободившись от либерального морока, в истинном свете узрел Шолохова: «От этих писателей (*мелькающих, «вещающих»*). – А.Б.) я научился жить суетой. Шолохов вывернул меня наизнанку. Шолохов мне внушил – не словами, а присутствием своим в Вешенской и в литературе, – что нельзя торопиться, гоняться за рекордами в искусстве, что нужно искать тишину и спокойствие, где можно осмыслить глубоко народную судьбу. **Ежедневная суета поймать и отразить в творчестве все второстепенное опутала**

меня. (Выделено мной – А.Б.) А он предстал передо мной реальным, земным светом правды. Я лишний раз убедился, что занимаюсь не своим делом. Сейчас я должен подумать о коренном переустройстве своей жизни. Наверное, придется с чем-то распрощаться – либо с кино, либо с театром, либо с актерством. А может быть, и с московской пропиской... Суета! Это многих губит. Если занимаешься литературой – распрощайся с кино. Много для меня остается пока необъяснимым. Но... кино и проза мешают друг другу... (...) Сейчас я думаю о коренном переустройстве своей жизни. Пора заняться серьезным делом. В кино я проиграл лет пятнадцать, лет пять гонялся за московской пропиской. Почему? Зачем? Неустроенная жизнь мне мешала творить, я метался то туда, то сюда. Потратил много сил на ненужные вещи. И теперь мне уже надо беречь свои силы. Создал три-четыре книжечки и два фильма. Все остальное сделано ради существования. И поэтому решаю: конец кино! Конец всему, что мешает мне писать». (В. Белов. «Тяжесть креста»).

Шолохов, как и Леонов, любил лишь прозу Шукшина и снисходительно относился к его режиссерству и актерству: «Бросай, Василий, в трех санях сидеть, пересаживайся в одни, веселей поедешь!» (А. Заболоцкий. «Шукшин в кадре и за кадром»).

Белов отбивал Шукшина от кино и лицедейского театра; звал из «мотылькового искусства» кино в русскую литературу, доказывая преимущества извечной царицы искусств. «Сидеть сразу «в трех санях», как выразился... Шолохов, ему действительно было невмоготу. Грань между кино и

литературой была, и очень острая. Кинематограф оказался убийственно тесным для этой личности. Шукшин задыхался в сверхинтеллектуальной киношной среде. (...) Шукшин, поддерживаемый Заболоцким, нехотя сопротивлялся моим доводам. Он доказывал преимущества кино, говорил о возможности общаться сразу с миллионами. (...) Я... утверждал, что писательство для Макарыча важнее, чем кинематограф. Неожиданная поддержка в этом смысле была получена от Леонида Леонова в его письме к Шукшину. (...) Казалось, что Макарыч начал сдаваться: «Вот поставлю Разина – и конец! Хватит!» Но слишком уж глубоко увяз он в киношную бездну. Выбраться из нее было уж не под силу...» (В. Белов. «Тяжесть креста»).

---

⁶ Шукшин писал Белову: «Вите Астафьеву – привет. Скажи ему мой совет: пусть несколько обозлится. Так за него обидно с этой премией-то. Пусть обозлится – будут внимательней. А то привыкли, что – ручные. А убажуют тех, кого побаиваются». (В. Белов. «Тяжесть креста»).

⁷ Шукшин «...принес из редакции журнала «Наш современник» (в члены редколлегии которого с недавних пор был включен) рукопись В. Распутина «Живи и помни», дал её мне прочесть, сам уезжал на съемки. Передавая ему рукопись, на обычное его: «Ну как?», – говорю: «Вся, крепкая вещь, вот фильм-то тебе сделать! Читай, не оторвёшься». – «Некогда читать, буду рекомендовать к печати. Надо писать своё. Вот стукнет шестьдесят, ослабнет напор, буду читать рукописи». (А. Заболоцкий. «Шукшин в кадре и за кадром»).

ШУКШИНСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ БЕЗ ШУКШИНА...

Мне посчастливилось дважды бывать на Шукшинских чтениях; обмирая от прозрения, слушал я вдохновенные русские речи прославленных крестьянских писателей. Вначале девяностых сподобился посетить Ал-

Глядя на Белова, что летовал в Тимонихе, где доводил до ума повесть и рассказы, поминая Абрамова, с коим сдружился, передавая поклоны Астафьеву⁶, пристально вглядываясь в молодого писателя Распутина⁷, Василий Макарович решил: ша, снимаю «Степана Разина», играю Стеньку, и прощай кинематограф; но, увы, играя солдата Петра Лопачина в фильме «Они сражались за родину», Василий Макарович предал Богу душу, словно и погиб, сражаясь за русскую душу.

Пришла нежданная-негаданная пустоглазая с косою на плече, и погиб русский художник, подобно поэту Есенину и певцу Талькову, ибо князю тьмы и его челяди живая смерть, когда, благодаря массовости эстрады и кино, совестливому и правдивому русскому слову вни-мает весь народ русский.

тай, когда на Шукшинские чтения грянул сам Астафьев, и помню, «ещё не отчавив от патриотов к либералам, (...) Астафьев горько и прилюдно толковал о русской словесности, и, слава Богу, без соли и перца. Заповедовал: коли русская

литература выживет, выстоит вопреки властителям-растлителям, то не грех бы литературе и памятник поставить, – эдакую величавую скульптурную композицию: измождённый писатель, которого подпирают две заморённые бабоньки – библиотекарь и учитель литературы... Эдакий бы памятник воздвигнуть в Красноярске, да хоть в белокаменной столице... Позже в застолье...вроде, в Шукшинских Сростках... когда братья писатели завеселели, я, помнится, возразил Астафьеву: дескать, колесил и куролесил по Иркутской губернии, беседовал с библиотекарями, учителями словесности и нигде не видел заморённых, даже в глухомани, но – все крепкие, ядрёные... Виктор Петрович осерчалось сверкнул одиноким оком...не любил, когда перечили... и, кажется, проворчал: мол, картошку сеют...» (А. Байбородин. «Поле брани Виктора Астафьева»).

Позже при губернаторе Евдокимове, будучи на юбилее Шукшина, сподобился даже восседать на дощатом помосте за спиной у именитых деревенщиков. А потом с Вячеславом Клыковым, спустившись со сцены, слушали пение Михаила Евдокимова – «Я ушел, я уехал...», Валерия Золотухина – плач «Черный ворон», Александра Михайлова – «В горнице моей светло...» Гора Пикет, уйма слушателей, колонки, что избы, на три версты слышать, а вначале сдернули белый плат с памятника Шукшину – произведение выдающегося скульптора Вячеслава Клыкова, духом сродного Василию Макаровичу – не даром же возглавлял монархический «Союз русского народа», прозванный черносотенным, люто ненавидимый русскоязычными либералами.

В эпоху «Шукшинских чтений» обрел я на Алтае задушевных друзей – Виктора Буланичева, издателя журнала «Бийский Вестник», талантливых русских писателей Владимира Башунова, Александра Родионова, Станислава Вторушина, Сергея Чепрова, что, восприняв от Шукшина, понесли в мир сокровенное народное слово.

Добро было да сплыло, лихом добро смыло: державно величавые и горне мудрые «Шукшинские чтения», словно по мановению зловещего либерала, обратились в хлебозрелищный, лицедейский фестиваль; и лишь Шукшинский музей в селе Сростки, однажды очаровав, доселе не разочаровал.

Хотя либеральные властители *российского искусства* да единомышленные им алтайские начальники *искусства* и обратили Шукшинские чтения в Шукшинский фестиваль, писатели все же приглашаются, награждаются Шукшинской премией, и среди сих избранных, увы, нередко и сочинители, чуждые русскому духу и народному слову Василия Шукшина, словно кичливые горожане, помешанные на утробных радостях, чужды простецам-крестьянам, что любят поля и леса, реки и озера, родимые пашни и сенокосные луга, кондовые избы и осиновые бани, ригу, гумно и хлев.

Ежели в помянутые лета, благословенные для русской литературы, на Шукшинские чтения приглашали лишь членов Союза писателей России, то в последнее десятилетие «удостоились» сей чести и литераторы Российского Союза писателей. Сей Союз – либерально-космополитическое сообщество, основанное на гибельном переломе веков, было

враждебно Союзу писателей России изначально; было враждебно Василию Белову и Валентину Распутину, как стало бы враждебно и Василию Шукшину, доведись тому жить в адские девяностые, когда обострилось противостояние между писателями национально-державными и либерально-прозападными. К сему Российский Союз писателей повязался и с некими пен-клубами, мировыми пен-центрами, от коих за версту пахло масонской дьяволиадой, о чем доподлинно ведал Шукшин, чему противостоял в творчестве, – вспомним, повесть-сказку «Ванька, смотри!» Но либеральные властители искусства на Шукшинское мнение плевали с небоскреба, и пен-клубовские питомцы засветились на Шукшинских торжествах.

Глядя на писательскую вагатагу, приглашенную алтайским министерством культуры на Шукшинское девяностолетие, в большинстве далекую от крестьянского мира Шукшина, я озадачился: за что алтайские начальники *искусства* так не любят Шукшина, если на Шукшинский юбилей не пригласили Виктора Лихоносова, Владимира Личутина – русских классических писателей, духовно и творчески сродных Шукшину; не пригласили и Станислава Куняева, главного редактора журнала «Наш современник», где Шукшин печатал свои произведения и, проповедуя народность русского искусства, был членом редколлегии; наконец, не пригласили и талантливых прозаиков из Союза писателей России, о творчестве коих можно возгласить попушкински: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет...»

Помяная неприглашенных русских прозаиков, я подумал, что алтайское министерство культуры не пригласило бы на Шукшинский юбилей и Шукшина – русский националист, откровенный и воинственный, что и выразил в жизни и произведениях, особо в повести-сказке «Ванька, смотри!» А не пригласило бы из боязни скандала: увидел бы Василий Макарович эдакий либерально-космополитический писательский бомонд и, привыкший резать в глаза правду-матку, устроил бы скандал помянутому министерству. А без Шукшина, решило бы министерство, спокойнее пройдет Шукшинский юбилей, и даже представительнее – в отличие от русского национального либерально-космополитическое крыло в российской литературе, повязанное с шоу-бизнесом и заморскими фондами, богаче и звучнее.

Бывать на подобных фестивалях, говоря по-шукшински зло, лишь бездарно тратить драгоценное писательское время на пустую суету, полную лукавого славословия; к сему речено же в Святом Писании: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых...» (*Пс. 1:1-6*). Читать книги, глядеть картины, спектакли и фильмы, воспевающие страсти земные, все одно, что христианину по велению языческого жреца жрать идоложертвенное в бесовском капище.

Вышеизложенное поведал я алтайскому министру культуры, пояснив, что в моем послании речь шла лишь о писательском участии в Шукшинских фестивалях; о деятелях прочих искусств я умолчал, а про музей в Сростках отозвался с любовью и почтением. Но я-то

лишь пожурил министерство в здании, а вот Шукшин, по мнению либералов, обороняя русское простолюдьё, столь злости и желчи излил на высоколобые головы интеллигентов, что и по сей день лбы чешутся.

Тень на плетень... – поморщился алтайский министр культуры, прочитав мои суждения о фестивале «Шукшинские дни на Алтае»; но вот мнение кузбасских писателей, что гостили на одном из фестивалей: «...Продавались в торговых рядах и книги. Большая часть из них была, естественно, так или иначе посвящена Шукшину. Собрания сочинений Василия Макаровича и его биографии, впрочем, замечено не было. Потому что, как объяснил один из продавцов, такие книги не пользуются спросом у публики. Зато в избытке встречались тома, сочиненные на весьма сомнительные и притянутые за уши темы: о Шукшине и его знаке зодиака, о Шукшине и его якобы любви к язычеству и шаманизму... Рядом, в торговых рядах, продавались всяческие шаманские принадлежности. И мне вдруг подумалось, что на этом праздновании Шукшин, как таковой, никому и не нужен. Мне показалось, что великий русский писатель с каких-то пор превратился в повод выбить деньги... (...) Многих до глубины души возмутило одно мероприятие – так называемая творческая встреча с современными писателями. Вот где был формализм, вот где бездуховность! Представьте: на поляне перед публикой уселось добрых полтора десятка мятых и не совсем трезвых дядек и теток. Да хоть бы эти дядьки, тетки говорили о Шукшине, на чей день рождения их, собственно, и

пригласили! Какой там Шукшин! Они говорили исключительно о себе – какие они гениальные. И ни о чем больше! Никакой Шукшин им был решительно не интересен! А друг дружку они величали так: «Лучшая в России детская писательница», «Поэт, чьи стихи переведены на сто языков, включая папуасские наречия», «Прозаик, которого все обязаны любить», «Самый гениальный в России критик» и прочее. И читали при этом свои сочинения – весьма посредственные, а то и просто дурные. (...) С эстрады выступали вчерашние приглашенные писатели, говорившие, как граммофоны, вчерашние слова о самих себе... (...) Истинный русский писатель обязан думать не о себе, а именно о вдовах и вдовьих детях. Плач о вдовах и вдовьих детях – это как раз то, что отличает русского писателя от всех прочих писателей. Так повелось испокон веку. Да-да! У русского писателя обязана быть добрая душа и сострадательное сердце. Как у Василия Шукшина. (...) Он был добрым человеком, и он любил мужиков, потому что сам был русским мужиком». (А. Ярмолюк. *Блеск и нищета Шукшинского фестиваля*).

Скорбел, сожалел ли я о письме министру?.. увы, нет, – похвально в лад Шукшину излагать *русскую* правду в министерские и писательские глаза; но то может лишь удалой старец, коему нечего терять, нечего от власть имущих обретать, а вот добру молодцу, даже если русский дух одолевает, опасно портить отношения со зримыми и тайными либералами, ибо не в русофильских, но в цепких либеральных руках – литературные премии, издания и медиа пространство, а

молодому охота и книги издавать, и премии получать, и красоваться на литературных сонмищах и телеэкранах.

Письмо мое алтайским властителям культуры вызрело в статью, а потом вошло в нынешнее очерковое повествование; а на статью отозвался Николай Иванов, председатель Союза писателей России: «Вопрос о прошедшем дне Шукшина на Алтае будет рассмотрен на секретариате 27 августа. Достаточно сказать, что Союз писателей России официально не был приглашен на юбилей писателя, который состоял на учёте в нашей организации, а не в союзе российских писателей и тем более не в ПЕН-клубах. И в том плане мы полностью поддерживаем автора статьи и будем выходить с письмом на губернатора. А вечер памяти мы проведем в Союзе писателей России».

Нынешние российские властители дум забыли, что у порога смерти Василий Макарович умолял единоплеменных братьев и сестер: «Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, воз-

вёл в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совесть, доброта... Уверуй, что всё было не зря: наши песни, наши сказки, наши невероятной тяжести победы, наше страдание – не отдавай всего этого за понюх табаку. Мы умели жить. Помни это. Будь человеком...»

Вот и мечталось, чтобы на фестивале «Шукшинские дни на Алтае» звучала русская проза и поэзия, духом созвучная былинам, песням и сказкам, воспевающая простодушью с его честностью, трудолюбием, совестью, добротой, с его страданиями и победами.

Русские писатели, коим нечего терять, кроме Земли Русской, совестью душой исповедуют народную правду, за что сражался Шукшин, за что и буйну голову сложил на поле брани. Упокой, Господи, души усопшего раба Божиего Василия и всех православных христиан, и прости им вся согрешения вольная и невольная, и даруй им Царствие Небесное.

2019, 2020 годы